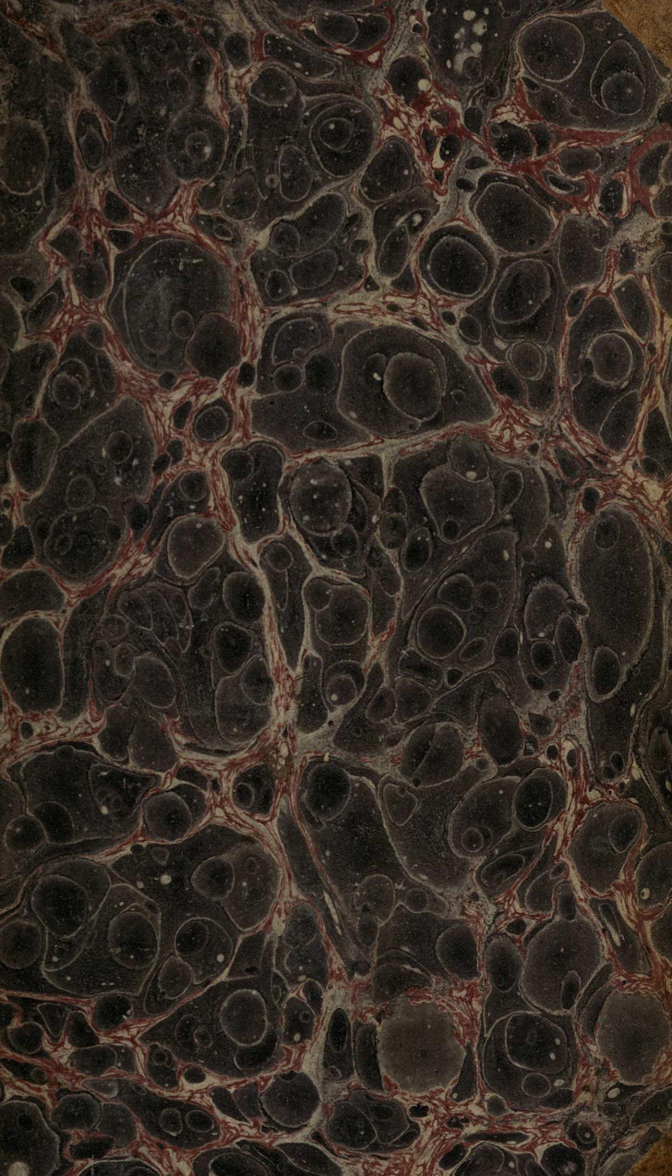

ЗАЛА 18,
ШКАФЪ 260.
ПОЛКА 5.
№ 20.

ГЕНРІЕТТА,

или

ГУСАРСКОЕ ПОХИЩЕНІЕ,

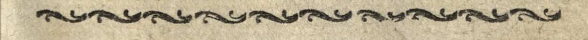
Приключенія произходившія во время недавно бывшей послѣдней войны у Прусаковъ съ Цесарцами.

Переведена съ Нѣмецкаго языка.

А. Б.

ЧАСТЬ I.

ВЪ МОСКВѢ,

Въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова, 1782 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Генріетта, или Гусарское Похищеніе, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ и Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

Антонъ Барсовъ.

Антонъ

1.

ПИСЬМО

Отъ Леопольда Фолькмара къ Вильгельму Визенау.

Наконецъ, любезной Вильгельмъ, нахожусь я опять въ той кровію окропленной странѣ, въ которой за пятнатцать лѣтъ до сего, и сряду семь лѣтъ рыскалъ я денно и нощно съ саблею въ рукахъ повсюду. Тогда былъ я молодой, грубой и необузданной воинъ, пылающей ревніемъ и охотою къ тому, чтобъ только рубить и проливать кровь непріятельскую, и помышлявшей обо всемъ прочемъ вскользъ и мимоходомъ: нынѣ же напоминаю я всѣ кровавыя зрѣлища, при коихъ случалось мнѣ бывать въ мѣстахъ сихъ, ужѐ съ чувствіями человѣчества и — содрогаюсь! особливо же возобновляется въ душѣ моей горестное напоминаніе одного надмѣру страшнаго явленія, — явленія, о которомъ никогда не расказывалъ я тебѣ

Доброй вечерЪ, старина милая, можно ли тебѣ дать у себя ночлегЪ мнѣ, двумЪ моимЪ слугамЪ и лошадямЪ нашимЪ? МожетЪ быть только до завтра, а можетЪ быть и долѣе. Не утѣснимЪ ли мы тебя? — Добро пожаловать, воинЪ драгоцѣнной! ты благословенЪ мнѣ отЪ Господа! священническая хижина моя да будетЪ твоею; да успокоитЪ она и угоститЪ тебя всѣмЪ, чѣмЪ можетЪ!

СЪ сими словами пожимая руку мою, привелЪ онЪ меня кЪ дверямЪ покоевЪ, которыя растворила тогда одна милая и почтенная старушка. — ВотЪ матушка нашЪ гость! — Я поклонился сей милой старушкѣ, и принятЪ былЪ ею наипріятнѣйшимЪ образомЪ.

Но теперь неожидаемое зрѣлище! — о какЪ пронзило оно мою душу! — Наипрекраснѣйшая и любви достойнѣйшая дѣвушка! — любезной ВильгельмЪ! никогда не видалЪ прелестнѣе ее! — поклонилась мнѣ сЪ наипріятнѣйшею улыбкою и сЪ премилымЪ взоромЪ.

Послушай любезной ВильгельмЪ, я видалЪ много прекрасныхЪ и прелестныхЪ

стныхъ женщинъ, и имѣлъ съ ними обхожденіе, и прочее, и прочее: но истинно не знаю, что со мною сталось, какъ я сію увидѣлъ. —— Я полюбилъ съ самой той минуты сего Ангела, и полюбилъ такъ какъ —— сталъ бы любить самаго Ангела. Я неохотно вхожу въ подробныя описанія, онѣ не удаются мнѣ по желанію, но всѣ томны и всѣ хромаютъ. —— Вообрази себѣ все, что только можно назвать прекраснымъ, прелестнымъ, любви достойнымъ и назвать симъ въ высочайшемъ степенѣ: такъ ты будешь имѣть предъ собою *Генріетту*.

Ну матушка, сказалъ милой мой старикъ своей хозяйкѣ, вечеръ ужъ, а Господинъ Маіоръ утрудился отъ дальнаго похода; подика и поспѣши, подавай все, что у тебя есть, и самое лучшее! а ты любезная Генріетушка накрывай на столъ. —— Не такъ ли, Господинъ Маіоръ, вить вы не погнушаетесь тѣмъ, что у насъ есть и что намъ Богъ послалъ. —— Конечно не погнушаюсь милой и любезной старичокъ, всѣмъ буду доволенъ, и за все заплачу охотно и хорошо. —— Старуха пошла, а дѣвушка взяла свою корзинку и стала накры-

 вать

вать на столѣ. —— А между тѣмъ вышелъ и старикъ и заботился о моихъ людяхъ и лошадяхъ.

Ну! ты вить знаешь меня Вильгельмъ! не смѣлой ли я мужикъ и не отважной ли? Не всегда ли, не вездѣ ли и не противъ всѣхъ ли я таковъ? Ну! бывалъ ли твой милой и любезной Гусаръ противъ женщинъ когда застѣнчивымъ? —— Но ахъ Вильгельмъ! сего дня былъ я таковымъ, и былъ, какъ кажется, въ первой разъ, и досадовалъ на себя, что таковымъ сдѣлался. —— На что иное могъ я смотрѣть, кромѣ ее? Я глядѣлъ на нее розиня ротъ, и стоялъ такъ какъ пень. — Она примѣтила сіе и застыдилась. И, о Боже! какая стрѣла пронзила тогда мою Гусарскую душу, какъ увидѣлъ я лицо ее покрывшееся въ единой мигъ румянцемъ. Я гладилъ свои усы и оправляя съ обѣихъ сторонъ, хотѣлъ что нибудь сказать къ ея ободренію; улыбался на нее и —— не зналъ, что сказать.

Такъ случилось, что я стоялъ тогда подлѣ стула и размышлялъ — ни о чемъ, а только могъ смотрѣть. —— Не соблаговолите ли Ваше Высокоблагородіе отдо-

дохнуть? Вотъ стулъ, Господинъ Маіоръ! Восхитительной голосъ и пріятность выговора и вся любви достойная благочинность возбудила меня. —— Подъ шубкою моею, въ лѣвой сторонѣ, тамъ, гдѣ нѣчто всегда противъ непріятелей прыгало пылая, а при другихъ случаяхъ билося плавно, происходило тогда нѣкакое особое движеніе. — Господинъ Пасторъ надѣюсь скоро назадъ придетъ —— какъ Господинъ Пасторъ, пріятное дитя, а не батюшка вашъ? —— Нѣтъ сударь, не батюшка, однако и батюшка. По крайней мѣрѣ любитъ онъ меня и я его такъ какъ —— Такъ конечно родственница? Давно, или не давно у сего добродушнаго старичка? —— Отъ самого младенчества. —— Такъ по этому сирота, милое дитя? О когдабъ у меня такая дочь! я почелъ бы себя щастливѣйшимъ любимцомъ божескимъ.

Въ сихъ разговорахъ подошелъ я къ ней ближе и хотѣлъ было болѣе спрашивать, какъ возвратился милой старикъ въ комнату. — Все исправлено, все хорошо Господинъ Маіоръ, люди ваши кушаютъ, лошадки ѣдятъ, а те-

 перь

перь пора и вамъ батюшка покушать и успокоиться. — Очень хорошо мой другъ! съ охотою моею готовъ! —— Между тѣмъ подано кушанье, мы сѣли, и Генріетта подлѣ меня.

Старикъ словоохотенъ, веселаго духа и слушать его не скучно. Въ первую Силезскую войну былъ онъ полковымъ священникомъ при одномъ Драгунскомъ полку, и потому знаетъ нѣкоторымъ образомъ войну и говоритъ объ ней охотно; въ особливости же не уймешь его, когда рѣчь до Короля дойдетъ, котораго онъ милымъ отцомъ *Фридрихомъ* называетъ. И посмотрѣлъ бы ты тогда любезной Вильгельмъ: глаза его начинаютъ блистать, а щоки играть румянцомъ. Весь патріотической духъ его обитаетъ тогда въ рукахъ его. — Когдабъ зналъ я его въ молодости: когдабъ былъ онъ Гусаромъ! —— Сіи войска любитъ онъ отмѣнно, —— можетъ быть былъ бы онъ моимъ Генераломъ.

Я ѣлъ очень мало, и имѣлъ къ тому худую охоту. Сидящая подлѣ меня дѣвушка занимала всѣ мои мысли. Послѣ стола сѣли мы съ старикомъ противъ камелька, и покуривали себѣ какъ

друзья трубки табаку. Генріетта и старушка сидѣла подлѣ насъ, и мы разговаривали о войнѣ прежней. —— Ты знаешь стараго *Губерта*. Такихъ прекрасныхъ гусарскихъ усовъ, и такова воинскаго и Марсова лица нѣтъ ни у кого въ полку цѣломъ. Онъ вошелъ тогда въ комнату и такъ какъ бравому Прусаку надобно рапортовалъ меня. — Женщины перепугались отъ сего стараго хрыча. —— Старикъ вскочилъ, подошолъ къ нему ближе и обозрѣвалъ его пристальнѣе. —— Что мой другъ! накормленъ ли ты и напоенъ ли въ нашей деревушкѣ? —— Доволенъ: но . . . . , чтожъ таково? чего недостаетъ дружокъ? —— Ахъ! у меня нѣтъ табаку, а безъ него я голоденъ! —— Въ тотъ мигъ бросился онъ къ столу, выдвинулъ ящикъ и вынулъ цѣлой почти карпузъ. —— Вотъ тебѣ и онъ, бравой Гусаръ! возьми себѣ, кури и будь веселъ. —— Помилуетъ тебя Богъ, Господинъ Пасторъ, теперь я спокоенъ. Губертъ пошелъ! — Какой Гусаръ! Господинъ Маіоръ, какъ рожденъ нарочно къ тому. Таковъ ли онъ храбръ, каковъ съ виду кажется. —— Конечно, сказалъ я:

такъ

такъ хорошожъ, отвѣтствовалъ онъ, теперь принесъ я жертву Богу Марсу. — Я принужденъ былъ расказать старику все, что я о семъ честномъ старикѣ Гусарѣ знаю, и завтра по убѣжденію хозяина долженъ я взять его къ себѣ въ квартиру. — Мы растались нарочито поздно и полегли спать.

И такъ о войнѣ не могу я къ тебѣ еще ничего писать. — Непріятель стоитъ еще далече отъ насъ, и не готовъ еще совсѣмъ съ своими вооруженіями. Поговариваютъ также о мирѣ, но мы тому худо вѣримъ. Покуда я здѣсь пробуду, будетъ мнѣ не худо. Всѣ люди въ здѣшнемъ домѣ мнѣ нравятся, а болѣе всѣхъ Генріетта. Что мнѣ о себѣ и о сей дѣвкѣ думать? — Вильгельмъ! я люблю ее наинѣжнѣйшимъ образомъ: — но всѣмъ что свято есть увѣряю, что никакъ не въ состояніи посягать противъ ея непорочности. — Въ передъ болѣе. — Будь благополученъ, любезной Вильгельмъ, и отвѣтствуй скорѣе

Твоему искренному
Леопольду Фолькмару

2.

Генріетта Герстенфельдъ къ Карлу Вернеру.

Ужè два дни, какъ я тебя не видала милой мой! —— Какъ это было возможно тебѣ такъ долго не видаться съ любезною твоею? —— Я, кажется, ничѣмъ тебя не оскорбила, и могу ли я, любезной Карлъ, оскорбить тебя, коего люблю болѣе, нежели сама себя? Но для чегожъ не бывалъ ты ни вчера, ни третьяго дня? —— Конечно постой былъ тому, любезной другъ, причиною? —— Такъ, конечно онъ: однако все таки можнобъ тебѣ побывать, и побывать хоть на одну минуту, и хоть для того, чтобъ я на тебя посмотрѣла. Сего дняжъ побываешь вить ты конечно? —— Ты найдешь меня подъ старою липою, гдѣ и вчера и третьяго дня я тебя дожидалась.

У насъ также постой. Стоитъ Маіоръ Гусарской. Ахъ любезной Карлъ! какой добродушной человѣкъ этотъ Маіоръ! —— Совсѣмъ не таковъ, каковы бываютъ прочіе Гусары —— такъ тихъ, такъ скроменъ, —— такъ ласковъ и бла-

благопріятенъ ко всѣмъ, — а къ людямъ своимъ, какъ отецъ родной! — Мнѣ кажется, что не могъ бы онъ никого изрубить до смерти. Со всѣмъ тѣмъ дѣлывалъ онъ то прежде, и дѣлывалъ охотно, и будетъ опять дѣлать. Батюшка мой имѣетъ къ нему великое почтеніе, и говоритъ, что находитъ въ немъ благороднѣйшей характеръ Офицера и человѣка. Я вѣрю тому и примѣчаю сама въ немъ все хорошее и между собою согласное. Ростомъ онъ высокъ и нарочито плотенъ, въ лицѣ у него цвѣтъ живой и здоровой, а густые и нарочито длинные усы придаютъ ему видъ воинской, однако нимало не страшной, впрочемъ лице его изряднаго расположенія. Глаза у него прекрасныя карія: однако далеко не такъ хороши, какъ твои любезной Карлъ! Превеликой рубецъ отъ сабли поперегъ лба, а другой отъ лѣваго глаза до самой бороды ни мало его не безобразятъ. Боже мой! что это за люди! и какъ это они такъ рубятся! не хотѣла бы я быть при томъ. Не ходи въ Гусары, любезной Карлъ, не хочу, чтобъ тебя такъ изрубили, да и самъ чтобъ ты

ру-

рубилъ. —— Маіоръ очень богатъ: это говорятъ его люди, и у него сказываютъ есть дорогія вещи и множество денегъ съ нимъ. Люди его всѣ, какъ отца, любятъ, а особливо есть у насъ въ домѣ одинъ старой Гусаръ, котораго взялъ онъ въ квартиру къ себѣ по прозьбѣ батюшкиной. Этотъ Гусаръ говоритъ, что естьлибъ было у него десять жизней, то всѣ бы онъ за него охотно положилъ. —— Тебѣ надобно его посмотрѣть Карлъ; батюшка говоритъ, что онъ видомъ своимъ какъ самъ Богъ Марсъ. — Какъ я впервые его увидѣла, то сердце у меня отъ ужаса замерло, а теперь могу я цѣлые часы говоришь съ нимъ и говорить съ удовольствіемъ. Изъ всѣхъ Прускихъ Гусаръ я думаю наилучшее у него сердце. Батюшка мой называетъ его бравымъ старымъ воиномъ, и онъ въ самомъ дѣлѣ таковъ. Ахъ Карлъ! какіе это рубцы на семъ добродушномъ человѣкѣ по всѣмъ почти мѣстамъ. Здѣсь одинъ, тамъ другой, крестъ на крестъ и вдоль и поперегъ. — Прежде сего служилъ онъ въ Цесарской Арміи, и какъ мнѣ помнится въ полку С**; но

тамъ,

тамъ, говоритъ онъ, не былъ я солдатомъ. Я былъ хищникъ и зажигатель. Храбръ былъ я всегда, но только для грабежа и добычи. Нашъ Маіоръ былъ тогда еще Порутчикомъ, какъ Гусары его взяли меня въ полонъ въ прежнюю войну. Я принялъ тутъ службу и подъ его предводительствомъ сдѣлался впервые воиномъ такимъ, какъ быть должно, и каковымъ быть онъ примѣромъ своимъ научаетъ.

Маіоръ. . . . все таки опять о Маіорѣ! да, любезной Карлъ, я не могу предъ тобою не признаться, что я къ человѣку сему отъ всего сердца моего добра и благосклонна. Но какъ же мнѣ и не быть таковою? Батюшка мой говоритъ, матушка говоритъ, и всѣ мы говоримъ, что онъ любви достоинъ. — Ты и самъ, любезной Карлъ, найдешь его таковымъ. Однако ревновать тебѣ за то никакъ не надобно, что я къ нему добра, и прямо отъ всего сердца добра: ибо къ тебѣ добрѣе я тысячу разъ болѣе. Благосклонность моя къ нему нѣкоего особаго рода. Она имѣетъ въ себѣ нѣчто дѣтское. — Я люблю батюшку, или паче воспитателя своего, а такъ

то-

точно почти люблю и сего усастаго Героя; а естьли точнѣе подумаю, то почти не многимъ чѣмъ еще и поболѣе. —— Я не знаю, любезной Карлъ, что-то особливое меня къ сему человѣку притягиваетъ? Часто вспрыгиваетъ сердце мое при его входѣ, и я не смотря на большiе его усы, моглабъ и поцѣловать его, естьлибъ то не было благопристойности противно. —— Онъ называетъ меня иногда дочкою, и мнѣ слышать сiе прiятно. Ахъ, любезной Карлъ! такова отца охотнобъ я имѣть у себя хотѣла; не для того, что онъ богатъ, Дворянинъ и Офицеръ знатной, но для того, что онъ такъ добросердеченъ и столь много имѣетъ въ себѣ отцамъ добрымъ свойственнаго. —— Ахъ когдабъ была у меня такая дочь, сказалъ онъ мнѣ въ первой вечеръ, то почелъ бы я себя щастливѣйшимъ любимцомъ Божескимъ. —— О какъ пронзили слова сiи мое сердце, и вздохъ, любезной Карлъ, съ которымъ онъ ихъ выговорилъ, соединился съ моимъ, котораго я удержать не могла, но котораго онъ не примѣтилъ. Я помыслила тогда о родителяхъ своихъ. Ахъ! кто то они таковы, или

кто-то таковы были? Вопросъ, которой никогда, или по крайней мѣрѣ въ семъ свѣтѣ никогда рѣшенъ не будетъ обо мнѣ бѣдной!

Вотъ уже цѣлыя поллиста кругомъ и четвертку въ добавокъ я исписала. Полно теперь, приходи Карлъ въ севоднешней вечеръ, и скажи мнѣ прямо, нѣжнымъ образомъ, что я еще твоя милая и любезная Генріетта.

3.

Карлъ Вернеръ къ Генріеттѣ Герстенфельдъ.

Такъ любезная Генріетта! досадной постой, онъ одинъ причиною тому, что я у тебя побывать, тебя видѣть и тебя обнять не могъ. О ненавистная война и тягостные солдаты! я желалъ бы, чтобъ они стояли въ Вѣнѣ, за Вѣною и повсюду, но только не здѣсь; у насъ въ Амтѣ пять Офицеровъ и множество драгунъ и погонщиковъ, а лошадей такъ много, что и своимъ нѣтъ мѣста. Двое изъ Офицеровъ изрядные таки люди, а трехъ прочихъ препроводилъ бы я въ непріятельскую землю:

Боже

Боже помоги тѣмъ бѣднымъ людямъ, куда они придутъ! И по сему вы въ приходѣ вашемъ прямо щастливы своимъ Маіоромъ. Но Маіоръ этотъ, пускай хотябъ и былъ, какъ ты его описываешь, прямо добрымъ человѣкомъ, но слушай Генріетта, имѣй осторожность: да слушай же говорю: —— *Каковъ градъ хлѣбамъ, таковы солдаты намъ*! вить ты сіе знаешь. Сама ты сіе пѣвала часто. Сіи усачи надѣлали въ прежнюю войну много разореній. Они города разорили, деревни пожгли, уѣзды опустошили, и многими тысячами дѣвичьихъ сердецъ и волею и неволею завладѣли, и всѣхъ ихъ подѣлали нещастными. Съ дочерью сестры моего батюшки случилось самое тоже. Одинъ Гусарской Поручикъ стоялъ у насъ въ Аммтѣ; соблазнилъ сію дѣвку, а потомъ . . . . . згибъ отсюда, а дѣвка бѣдная сдѣлалась нещастною и лишилась потомъ горестно жизни. Замѣть это себѣ, любезная Генріетта, и не много вѣрь своему Гусару. Подъ шубкою ихъ мало добра бываетъ; а какъ нещастіе сдѣлается, то дьяволъ сладитъ съ ними, съ этими людьми, которые инаго разбирательства не зна-

 ютъ,

ютъ, кромѣ страшнаго своего кривова желѣза при бедрѣ лѣвой. —— Слышишь, Генріетта! —— Ну, естьли ты да не вѣрна мнѣ сдѣлаешься? — Ну естьли ты Генріетта . . . . прахъ побери! что мнѣ тогда дѣлать? —— Знаешь ли, чтобъ въ Гусары я записался, но не у Прусаковъ, а къ Цесарцамъ бы пошелъ: и тогдабъ сталъ я всюду рыскать за твоимъ Маіоромъ и нашелъ. . . . въ кускибъ его изрубилъ! — Однако ты витъ этова не сдѣлаешь, любезная Генріетта? Да и старой усачь не думаю, чтобъ сталъ за тобою гоняться. — Фи! Генріетта! усача полюбить, къ стати ли, пожалуйста не цѣлуй его. — Развѣ хочешь, чтобъ я тебя никогда болѣе не цѣловалъ.

Севодни быть къ тебѣ мнѣ никакъ не можно, батюшкѣ моему надобенъ я въ каждую минуту и ему не льзя безъ меня никакъ обойтиться —— то и дѣло только слышишь, Карлъ! Карлъ! на минутѣ раза три. —— Отъ роду моего такъ часто не былъ кликиванъ. К глабъ черней унесла нелегкая прочь отсюда! . . Миру врядъ ли бывать; всѣмъ имъ его не хочется, да говорятъ, что будто и Король тоже говоритъ. Однако

ко батюшка говоритЪ, что Король не такЪ мыслитЪ какЪ, молодые Гусарскіе, или Драгунскіе Офицеры. —— НашЪ старикЪ МаіорЪ недавно сказалЪ одному молодому Корнету: —— Вы господа не знаете еще войны, узнайтека ее напередЪ, такЪ пожелаете сами миру —— Но они его на смѣхЪ подняли.

Прости любезная Генріетта, будь мнѣ вѣрна: да будь же слушай! а не то, я сдѣлаю, что говорилЪ выше.

4.

Генріетта ГерстенфельдЪ кЪ Карлу Вернеру.

ТакЪ не льзя тебѣ побывать, любезной КарлЪ! АхЪ какЪ мнѣ этова жаль; но чѣмЪ нибудь надобножЪ себя утѣшить. Когда не можно мнѣ тебя видѣть, такЪ буду писать кЪ тебѣ. —— ВотЪ цѣлой листЪ бумаги лежитЪ передо мною, и сЪ Божескою помощію надѣюсь я весь его исписать. Спасибо воспитателю моему, что онЪ меня писать научилЪ.

КакЪ же? такЪ ты и приревновалЪ ужѐ ко мнѣ, любезной КарлЪ: и! что

ты глупенькой! перестань и брось это. Однако мнѣ сіе немножко и мило, ибо вижу изъ того, что есть тебѣ во мнѣ и нужлица. Пожалуй, пожалуй не заботься: любезной другъ нашъ старой и бравой Маіоръ Фолькмаръ, вѣрно не прослужитъ тебѣ ни въ какое предосужденіе. Твоя Генріетта имѣетъ одно только сердце, а оное давно ужè и совсѣмъ твое. И такъ Гусаромъ тебѣ не бывать, а того меньше Цесарскимъ, а мой любезной Маіоръ, естьли судьба инова съ нимъ не опредѣлила, пребудетъ цѣлъ и невредимъ. Но ему и надобно и должно остаться живу и здорову. —— Со всѣмъ тѣмъ посмотрѣла бы я на тебя тогда, какъ ты ко мнѣ писалъ, въ какомъ то былъ тогда ты видѣ? Не бось, такимъ же казался страшнымъ, какъ нашъ старой Губертъ. Но усовъ та у тебя нѣтъ! однако ихъ ужè бы я тебѣ сдѣлала сажею, любезной Карлъ, твои, прахъ побери, были бы къ тому въ прибавокъ: —— Нечегобъ болѣе говорить: —— прахъ побери! я до смерти бы испугалась.

И такъ еще тебѣ скажу, любезной Карлъ, пожалуй не заботься. Я на вѣки

твоя,

твоя, но того не долженъ ты ужѐ на мнѣ взыскивать, что я къ Маіору добра и благосклонна. — Какъ ты хочешь, а я не могу инако. Я должна, я принуждена быть къ нему благосклонною. Естьлибъ ты его зналъ, то безсомнѣнно самъ бы его полюбилъ; онъ вѣрно не помышляетъ о томъ, чтобъ сдѣлать меня тебѣ невѣрною: конечно нѣтъ, любезной Карлъ! а вотъ какъ онъ меня называетъ: Дочка! милая Генріеттушка! любезное дитя! Генріетта дорогая! и я признаюсь, что мнѣ милы такія его названія. Ахъ любезной Карлъ! онъ достоинъ; ей, ей! достоинъ того, что я къ нему добра. Вотъ недавно играла я на клависинѣ. Онъ подошелъ и сѣлъ подлѣ меня. Я должна была пѣть, и онъ пѣлъ со мною самъ. Онъ поетъ прекрасно теноромъ. — Не осердишься ли ты, когда еще въ одномъ признаться, однако я не должна отъ тебя того скрыть. — Онъ поцѣловалъ меня. —— Ахъ любезной Карлъ! со мною было нѣчто особое при семъ случаѣ. Правда, я не ощущала того, что ощущаю всякой разъ, когда ты меня цѣлуешь; при таковыхъ случаяхъ готовабъ я соединить духъ мой съ твоимъ

и мое сердце бьется и трепещетъ твоему соотвѣтствуя: —— Со всѣмъ тѣмъ я ощущала что-то такое, что-то —— ахъ! не могу назвать и изобразить того — До сего всегда трепетала я отъ усовъ, но его нимало какъ-то мнѣ не мѣшали. Пусть его себѣ цѣлуетъ, любезной Карлъ! ты ничего притомъ не потеряешь. Это такъ какъ цѣловала бы я отца. Батюшка мой воспитатель вить цѣлуетъ же нерѣдко меня: тебѣ вить то не противно?

Вчера ѣздилъ онъ въ Б.... и возвратился домой ужѐ ввечеру. Ну! подумай любезной Карлъ! что привезъ онъ мнѣ съ собою изъ города? —— цѣлую штуку шолковой матеріи самой новѣйшей моды; прекрасныя блестящія серги; а лентъ великое множество всякихъ. — Ну! это было мнѣ ужѐ и не съ лишкомъ мило, любезной Карлъ! и лучше когдабъ онъ сего не дѣлалъ. Платья у меня довольно: а когда я тебѣ люба и въ томъ какое у меня есть, то мнѣ кажется, что я ужѐ довольно хорошо убрана: а ленты никакія для меня таковы не хороши, какъ отъ тебя полученныя. — Однако я не могла никакъ отговориться: ни-

никакъ не льзя было не принять. Ласка, съ которою онъ меня подарилъ, придавала подарку сему особливую цѣну. — Носи это, любезное дитя! въ напоминаніе обо мнѣ, когда меня здѣсь не будетъ. А теперь поцѣлуй меня за это, да покуда здѣсь пробуду, играй для меня на своемъ клависинѣ, или говори что нибудь со мною.

Ты, да, ты, любезной Карлъ! это ты я охотно отъ него слышу, и слово сіе проницаетъ мое сердце. Однако не дѣлай никакихъ дурныхъ заключеній о повѣренности, съ какою онъ со мною обходится, и не почитай его виновнымъ. Онъ говоритъ какъ, отецъ, а я слушаю и принимаю слова его, какъ дочь: но подареныя вещи не буду носить, покуда ты мнѣ того не дозволишь; а естьли тебѣ не надобно, чтобъ я носила, то подарю ими Амтманскую дочь.

Ахъ, любезной Карлъ! какимъ злодѣемъ былъ до сего старой Губертъ во время прежней войны. Помогалъ и онъ расхищать городокъ на полмили отсюда отстоящей. Во время грабежа мѣстечко сіе загорѣлось. Онъ входитъ въ загорѣвшейся домъ: на встрѣчу ему

попадается молодая женщина съ связкою въ рукахъ. — Онъ отнимаетъ ее у ней, она не даетъ. Онъ толкаетъ ее въ грудь ефесомъ сабли, она упадаетъ замертво, а онъ беретъ связку, развернувъ находитъ въ ней маленькое спящее дитя. Онъ бросаетъ его на улицу. — О варваръ! о безчеловѣчной варваръ! теперь я стала зла на него. — Бѣдненкая тварь, безсомнѣнно либо сгорѣла она, либо затоптана до смерти; а бѣдная-то нещастная мать! — ночь была еще къ томужъ.

Какъ это, любезной Карлъ, могутъ люди столь нежалостливы и свирѣпы быть? — Великій Боже! какое ужасное зло есть война! пощади и помилуй насъ и всѣхъ добрыхъ людей отъ ней и отъ ужасностей ея.

Севодни поутру имѣли мы, а особливо батюшка мой, наиприятнѣйшее зрѣлище. Весь Маіорской эскадронъ былъ въ строю и маршировалъ мимо нашего дома. Батюшка мой былъ въ восхищеніи. Какіе люди! вопіялъ онъ: какія лошади! и подлинно, любезной Карлъ, не можно почти лучше быть. Всѣ они, какъ отборные, и всѣ видомъ своимъ, такъ какъ батюшка

говоритЪ, самая война. МаїорЪ увѣряетЪ, что многіе изЪ нихЪ служили еще вЪ прежнюю войну, а вообще нѣтЪ не единаго изЪ нихЪ, котораго бы храбрость не была имЪ испытана. СЪ каждымЪ изЪ нихЪ обходится онЪ очень милостиво, со всѣмЪ тѣмЪ вЪ превеликомЪ онЪ у всѣхЪ почтеніи. Я думаю, что нѣтЪ и одного изЪ нихЪ, которой бы не боялся его болѣе, нежели самаго Господа Бога. Никогда не видывала я столько усовЪ вЪ одномЪ мѣстѣ, а изЪ всѣхЪ ни у кого не было больше, да и не было ни у кого страшнѣе ГубертовыхЪ. КогдабЪ только не дѣлалЪ онЪ той пакости сЪ робенкомЪ: злодѣй немилосердой!

Севодни предЪ обѣдомЪ разсказывалЪ онЪ мнѣ, что МаїорЪ иногда чрезвычайно сердитЪ бываетЪ. Однажды велѣлЪ онЪ ему на спинѣ отчесть цѣлыхЪ пятьдесятЪ фухтелей, которые и понынѣ ему еще чувствительны. —— А мнѣ казалось, что такому доброму и смирному человѣку и не можно бы никакЪ такимЪ злымЪ быть.

Не можноль, любезной КарлЪ, какЪ нибудь севодни у насЪ побывать? Развѣ ты сЪ грусти меня уморить хочешь?

Будь

Будь же милой мой Карлъ, и пожалуйста приди.

5.

Карлъ Вернеръ къ Генріеттѣ Герстенфельдъ.

Мнѣ таковожъ прискорбно, какъ и тебѣ, что не могу у тебя побывать. Но прежде завтрешняго вечера и помышлять о томъ нечего. А въ сіе время буду я вѣрно, и не удержитъ меня ни громъ, ни молнія. Наши Офицеры будутъ завтра ужинать у Господина Бромбера въ Г** и возвратятся домой безсомнѣнно очень поздно. Вчера было у меня съ Корнетомъ изрядное произшествіе. Они хотѣли меня завербовать въ Гусары, и Богъ знаетъ, какой бы чухи они не надѣлали, естьлибъ не вмѣшался въ сіе дѣло и не остановилъ ихъ старикъ Маіоръ Драгунской. О когдабъ побрала ихъ всѣхъ отсюда нелегкая, и они ушлибъ ужè въ Богемію! А и о твоемъ Генріетта, охотнѣе бы хотѣлъ я слышать, что онъ въ походъ отправился. Я принужденъ тебѣ прямо сказать, что обхожденіе его съ тобою мнѣ ни мало не нравится. — Благосклон-

ною къ нему быть, подарки отъ него принимать, сидѣть, говорить и пѣть съ нимъ вмѣстѣ. —— Все это не ладно, все коверкаетъ мою голову, и мнѣ очень, очень не по вкусу. Не шути пожалуй очень тѣмъ, чтобъ мнѣ Гусаромъ сдѣлаться. Какъ доведешь до того, что войду въ сѣти, такъ.....

И такъ, какъ сказалъ, завтра предъ вечеромъ я побываю. Но подъ липою меня ждать тебѣ не для чего; я приду къ вамъ прямо, есть нѣчто сказать батюшкѣ твоему отъ моего, а хочется мнѣ и любезнаго твоего Маіора увидѣть и узнать. Постарайся любезная Генріетта, чтобъ меня у васъ ужинать удержали. Но естьли ты не хочешь меня на смерть замучить, то удаляй Гусара отъ себя, сколько можно далѣе. Храбраго Губерта мнѣ также покажи. Произшествіе съ робенкомъ должна ты отпустить ему, любезная Генріетта! —- Подобнаго тому ужѐ онъ не станетъ впередъ дѣлать, когда получилъ онъ ужѐ человѣческое сердце, а станется, что онъ о томъ нынѣ сожалѣетъ. — Прости, любезная Генріетта, до завтрешнаго вечера.

6.

Леопольдъ Фолькмаръ къ Вильгельму Визенау.

Все еще въ . . . ., любезной Вильгельмъ! все еще у стараго добросердечнаго Пастора, слѣдовательно все еще въ одномъ домѣ съ любезною Генріеттою. Ахъ Вильгельмъ! какая это дѣвка! сія Генріетта прекрасна, какъ Ангелъ и столько же умна. Нынѣ чрезъ должайшее обхожденіе узналъ я ее короче, и люблю и удивляюсь ей каждой день болѣе. Воспитана она отмѣнно хорошо. Старикъ обучивъ ее всему, чему самъ обучить былъ въ состояніи, отдалъ ее въ пансіонъ въ Б . . . къ одной женщинѣ; тутъ была она три года и сдѣлалась во всѣхъ женскихъ наукахъ совершенною. Она играетъ на клависинѣ изящно, и поетъ —— О Вильгельмъ! послушалъ бы ты какъ она поетъ —— даже до восхищенія! Сверьхъ того говоритъ она очень хорошо по Французски и читала много, ибо старикъ закупилъ ей всѣ лучшія сочиненія.

Но кто-то она такова? любезной Вильгельмъ! о семъ не однократно старался

рался я развѣдать, но старичокъ мой не хочетъ никакъ изъясняться, а приступать усильно не можно, да и не хотѣлось бы мнѣ ни къ нему, а того меньше къ ней, этой милой и любезной Генріеттѣ. Что она ему не родня, это я знаю а болѣе ничего. Старой Губертъ сказалъ мнѣ не давно, что слышалъ онъ въ деревнѣ, будто бы старикъ Пасторъ нашелъ ее маленькимъ дитятею и воспиталъ. Я велѣлъ ему развѣдать о томъ болѣе.

Чтобъ ты теперь, любезной Вильгельмъ, думалъ о томъ, что я все говорю только о Генріеттѣ? Знаю, что матерія сія не слишкомъ по тебѣ, но имѣй терпеніе съ милымъ своимъ гусаромъ; онъ не можетъ ни о чемъ иномъ писать, ибо Генріетта наполняетъ теперь все его сердце. А сверьхъ того новостей и нѣтъ никакихъ къ увѣдомленію. Мы стоимъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, и хотя и не знаемъ, сколь долго намъ еще стоять, однако уповательно, что не скоро еще тронемся. Молва о мирѣ все еще носится, а имѣю я и достовѣрныя извѣстія, что надъ заключеніемъ онаго трудятся, но Гусары мои

не

не вѣрятъ, чтобъ онъ могъ состояться, можетъ быть потому, что имъ его не хочется; а они охотнѣе бы, и ещебъ сего дня или завтра, пошли врубаться въ непрiятеля.

Но желаю ли я? —— Ты знаешь меня мой другъ, что званiе мое того требуетъ, а сверьхъ того я и охоту имѣю къ службѣ. Наѣздникомъ меня хотя и не можно ужѐ почесть, но саблею моею я могу еще владѣть, и когда необходимость будетъ требовать, то употреблю ее, какъ бравому Гусару должно. Со всѣмъ тѣмъ не льзяжъ не сказать, что война ужасное и такое зло, отъ котораго всякой содрогается, въ комъ бьется человѣческое сердце. —— Хорошо читать и слышать о войнѣ; но кто ее видалъ и знаетъ, тотъ ужасается. — И такъ естьли война? хорошо, я готовъ съ рукою и саблею; естьли миръ? такъ и того лучше; съ охотою вложу ее въ ножны и скажу: душегубка успокойся; а такъ, надѣюсь, думаетъ и отецъ нашъ Фридрихъ.

Трудно будетъ мнѣ раставаться со здѣшнимъ мѣстомъ, и трудно для Генрiетты. —— Смотри, вотъ опять

ужѐ

ужѐ о дѣвкѣ! но не взыщи, любезной другъ, инако не можно; она теперь мнѣ все и все. Севодни поутру было весьма трогательное явленіе; одинъ Гусаръ прибилъ хозяина своего за то, что по мнѣнію его доброхотствуетъ онъ Цесарцамъ и лучше говорилъ о Цесарѣ, нежели ему хотѣлось. Я осудилъ его на дватцать фухтелей и надлежало получить ему ихъ предъ нашимъ окномъ здѣшняго дома. Боже мой! какъ начали просить и старикъ Пасторъ и Генріетта; никогда не видывалъ я дѣвицу столь убѣдительно просящую и столь нѣжно плачущую. Что было мнѣ дѣлать, Вильгельмъ? Бездѣльника не льзя было оставить безъ наказанія. Я убавилъ десять. Не успѣли ударить четырехъ разъ, какъ лежала нѣжная Генріетта у моихъ ногъ. Я закричалъ, сколько было силы, стой: и такъ получилъ онъ вмѣсто дватцати, четыре.

Ахъ, любезной Вильгельмъ, что, и какое воздаяніе получилъ я за сіе угожденіе? Она поцѣловала у меня руку, и протянула охотно губѣнки свои, какъ я въ нихъ ее поцѣловать захотѣлъ.

Ну, любезной другъ, что ты теперь думаешь? мнѣ кажется, что меня сія любезная дѣвица любитъ, я имѣю многія доказательства къ тому, и каждое кажется мнѣ твердо. — Что я ее люблю, въ томъ ты вѣрно не сомнѣваешься; и можноль тебѣ сомнѣваться, когда о томъ тебѣ самъ сказываю. Однако надобно тебѣ сказать, что любовь моя совсѣмъ не такова роду, съ каковою я прежде сего дѣвокъ любливалъ. Развѣ это отъ того, что я ужè староватъ и для любовника холоденъ? Но мнѣ недавно пятьдесятъ лѣтъ только минуло, и я совершенно здоровъ. Такъ сему быть не можно —— однако мнѣ надобно . . . . къ Генералу. Прости до завтра; теперь должность меня отзываетъ; завтра болѣе.

* * *

Не потрафилъ, любезной Вильгельмъ, далеко не потрафилъ; выстрѣлъ мой пролетѣлъ мимо на цѣлую пядень въ лѣвую сторону отъ мишени. —— Вчера сказывалъ я тебѣ, что Генріетта меня любитъ, и говорилъ о многихъ твердыхъ доказательствахъ. Но все непра-

правда! она любитъ, но не меня. — Вчера ввечеру видѣлъ я ея любовника. Малой изрядной, полной, становитой, румяной и собою очень недуренъ. Онъ ужиналъ съ нами, и съ начала былъ очень робокъ, по крайней мѣрѣ противъ меня, но послѣ перемѣнился. Надобно чтобъ имѣлъ и онъ изрядное воспитаніе. Онъ велъ себя чрезвычайно учтиво и хорошо, и говорилъ какъ по книгѣ. Отецъ у него Амтманомъ (*) и арендуетъ амтъ не далеко отсюда лежащей, очень богатъ, и добродушному хозяину моему искренней другъ. Генріетта первая изъявила все дѣло. Глаза ее нацѣлены были, какъ два зажигательныя стекла, на ее любезнаго; и доброй малой щастливъ, что не воспаленъ былъ ими. Въ первыя десять минутъ узналъ я ужѐ всю тайну. — Подумай, каково было тогда твоему милому Гусару? — Добро! Вильгельмъ, знаешь ли ты, что онъ тогда помышлялъ? Ей, ей, милая прекрасная и любви достойная чета! Боже помози вамъ и совокупи

 васъ

(*) Арендаторъ, или откупщикъ деревень, или Амтовъ.

васЪ обоихЪ, дабы ростилися вы и множилися, и наполняли землю множайшими такими милыми тварями, каковы вы сами.

ВотЪ, что я помышлялЪ: а сіе можетЪ тебѣ довольнымЪ ужѐ доказательствомЪ служить, что вЪ нѣжной любви моей кЪ сей милой и любви достойной твари ни КупидонЪ, ни мать его, не имѣютЪ участія. Но чтожЪ бы такое привязывало меня такЪ сильно кЪ этой милой дѣвкѣ, и сердце мое такЪ кЪ сему Ангелу притягивало, что безЪ ней мнѣ и жить ужѐ не можно. Растолкуй сіе ВильгельмЪ мнѣ и моему сердцу. . . .

Знаешь ли, что мнѣ теперь вздумалось? Послушай: — молодой ВернерЪ богатЪ, а миленькая моя богинька ничего не имѣетЪ, да и воспитатель ее не можетЪ многова дать за нею. — И такЪ, чтобЪ благополучію сей любящейся четы ничто не могло воспрепятствовать и помѣшать, хочу я дѣвушкѣ этой дать приданое. А чтобЪ можно было сіе сдѣлать и сдѣлать скорѣе, то пришли ко мнѣ вексель на тысячу червонныхЪ, ассигнуя такЪ, чтобЪ деньги вЪ

Б. . . . получить можно было. Чѣмъ скорѣе ко мнѣ пришлешь, тѣмъ для меня пріятнѣе будетъ, ибо я не знаю, долголь мы еще простоимъ здѣсь; а какъ противъ непріятеля выступимъ, то долголь дурацкой пулѣ сдѣлать, что твоего Фолкмара болѣе не будетъ, и онъ не возможетъ ужѐ тогда ощастливить милую пару. И такъ поспѣши любезной другъ!

Завтра, или еще севодни ввечеру скажу я о семъ моему Ангелу. Пакетъ съ векселемъ надпиши на имя Пастора *Углиха* въ . . . и естьли меня здѣсь ужѐ не будетъ, или не будетъ ужѐ совсѣмъ и на свѣтѣ, то принадлежитъ онъ Генріеттѣ. Вообрази себѣ то удовольствіе, которое я имѣть буду, и позавидуй мнѣ. Могу ли я достатокъ, которымъ меня Богъ благословилъ, употребить въ лучшее дѣло? Радости сего рода не оцѣненны: нѣтъ цѣны, которою бы ихъ оцѣнить было можно. Жены и дѣтей у меня нѣтъ; братъ мой имѣетъ болѣе, нежели сколько ему надобно и всему стяжанію моему наслѣдникъ. Двенатцать тысячь талеровъ назначенныхъ тебѣ также у мѣста: и такъ все дѣло сдѣлано и распоряжено.

 Ахъ!

АхЪ! любезной другЪ, всѣ радости мои на севоднишней день исчезли. Я мечталЪ себя быть столь щастливымЪ; но досадной ГубертЪ разбудилЪ меня, и наполня духЪ мой горестію, довелЪ до слезЪ. Послушай, что мы говорили: —— что тебѣ надобно ГубертЪ? —— Навѣдался Ваше Высокоблагородіе о милой дѣвушкѣ-то здѣшнева дома короче. Ну чтожЪ ты узналЪ? —— Все то истинна и правда. ПасторЪ нашелЪ ее вЪ своемЪ огородѣ. —— Когда и вЪ какое время, ГубертЪ? —— Во время прежней войны, за осьмнатцать лѣтЪ предЪ симЪ; и точь вЪ точь вЪ утро послѣ той ночи, вЪ которую выжжено мѣстечко Н. . . что лежитЪ на полмили отсюда. — КакЪ, тогда какЪ Н. . . горѣло? о ГубертЪ, какую рану растворяешь ты вЪ моемЪ сердцѣ! — Великій Боже! —— Ваше Высокоблагородіе, что вамЪ сдѣлалось? Вы плачете? —— Я не плачу, старой хрѣнЪ, плачутЪ бабы, а изЪ глазЪ моихЪ выкатились только слезы двѣ о великой и ужасной потерѣ —— Вы! имѣли потерю вЪ Н? . . . . О я бѣдной и нещастной дьяволЪ! по этому я окаянной помогЪ кЪ тому. ГосподинЪ

МаіорЪ

Маїоръ, вотъ голова старова хрыча! вотъ моя сабля, долой ее съ плечь, когда я потерю причинилъ вамъ. Недостоинъ я болѣе жить и служить у васъ Гусаромъ. —— Что ты? Что ты дуракъ? Ужь не пьянъ ли ты напился? —— Такъ это я, сударь! однако Губертъ, сами вы знаете, никогда не пивалъ. (Слезы покатились у старика тогда изъ обоихъ глазъ, и ушли въ усы его). Кой чортъ ты ужѐ и плачешь? Скажи мнѣ дуракъ, что тебѣ сдѣлалось? —— Я не плачу сударь, но слезы двѣ искатились изъ глазъ моихъ о великой и ужасной потерѣ, которую я помогъ причинить вамъ. —— Но къ чему ты это говоришь Губертъ, я не понимаю? — Ахъ я былъ при томъ, какъ грабили и жгли мѣстечко Н . . . Я самъ запалилъ оное. — Ты? — Я сударь. — И ты живъ еще, мерзкое чудовище! —— Тогда не имѣли еще вы надо мною команды Господинъ Маїоръ. И естьлибъ встрѣтились мы съ вами, то либо я вамъ, либо вы мнѣ, разнесли пополамъ голову, то есть, комубъ удалось лучше. Правда, Гусарской мундиръ былъ на мнѣ, но я былъ убiйца, зажигатель, а не человѣкъ; а что теперь

я, это я по милости Божеской и вашей.
Но еще повторю, вотъ голова моя: вотъ ваша сабля: рубите ее, охотно я умру. А чтобъ вы знали, сколь много достоинъ я смерти: то вѣдайте, что попалась мнѣ женщина: я сшибъ ее съ ногъ, похитилъ у ней робенка, думая получить добычу; но увидѣвъ, что обманулся, бросилъ его на улицѣ. Безсомнѣнно мать сгорѣла, а дитя задавили: ибо на насъ напали тогда Прускіе Гусары и порубивъ большую часть изъ насъ, выгнали вонъ. —— О Губертъ! оставь меня. ——

Но вообрази себѣ, любезной Вильгельмъ, новое явленіе; не успѣлъ я выговорить: Губертъ оставь меня, какъ растянулся старикъ у ногъ моихъ, обхватилъ мои колѣна и не могъ отъ слезъ ни единаго слова выговорить. Я принужденъ былъ его поднимать, и не могъ самъ отъ слезъ удержаться. Да! Вильгельмъ, твой Гусаръ плакалъ. Старикъ хотѣлъ неотмѣнно умереть отъ рукъ моихъ. Я принужденъ былъ прозьбою ужѐ просить, чтобъ вышелъ онъ вонъ: ибо приказанія не помогали —— Ахъ сударь! можетъ ли Губертъ спокойнымъ быть впередъ, когда оскорбилъ

онѣ васѣ, наилучшаго изѣ человѣковѣ. — Губертѣ ты не оскорбилѣ! безѣ умысла и намѣренія оскорблять не можно. Выдь пожалуй, ежели ты меня любишь. Вотѣ тебѣ моя рука вѣ увѣреніе, что я не сердитѣ на тебя. Онѣ схватилѣ руку мою, поцѣловалѣ ее, омочилѣ слезами и пошолѣ вонѣ, рыдаючи отѣ слезѣ.

Не могу болѣе писать, мой другѣ любезной! вся душа моя приведена вѣ движеніе и колеблется ужасно. Завтре болѣе.

Ночь, любезной Вильгельмѣ, проводилѣ я довольно спокойно, и лучше, нежели ожидать могѣ. Былѣ и Губертѣ опять ужѐ вѣ моей комнатѣ. Онѣ такѣ робокѣ, какѣ пойманной ворѣ, но я старался, сколько могѣ, взирать на него благосклоннѣйшимѣ окомѣ. Камерлинерѣ мой говоритѣ, что онѣ всю ночь препроводилѣ во вздохахѣ. Но ахѣ Вильгельмѣ! Губертѣ ужасной человѣкѣ; я не вѣ состояніи буду впередѣ терпѣть его при себѣ, а до сего былѣ онѣ моимѣ любимцомѣ. Онѣ зажегѣ мѣстечко Н. . . . А вѣ Н. . . . о коль ужасно

для меня сіе напоминаніе! въ Н. . . ; сгорѣла моя Луиза.

Тебѣ извѣстна отъ части горестная и страшная исторія сія. Естьли меня не убьютъ, и съ тобою увижусь, то раскажу тебѣ всю ее подробно, и ты станешь плакать вмѣстѣ со мною.

Ѣзлокъ дожидается письма. Не забудь поспѣшить векселемъ.

7

Карлъ Вернеръ къ Генріеттѣ Герстенфельдъ.

Ну! теперь я спокоенъ, любезная Генріетта, будь себѣ пожалуй добра къ твоему Маіору; люблю теперь и я его всѣмъ сердцемъ моимъ и душою. Нашъ Маіоръ доброй человѣкъ; однако Фолькмаръ надѣюсь одинъ только на свѣтѣ. Естьлибъ вздумалось мнѣ въ жизнь мою итти когда нибудь въ Гусары, то развѣ къ нему въ команду бы пошелъ. Нашъ Маіоръ знаетъ его давно, онъ отличилъ себя очень въ прежнюю войну. Король его знаетъ коротко и почитаетъ много. — Люби его Генріетта! онъ того достоинъ.

А старой Губертъ ей, ей, также бравой старикъ. Старая бѣда! онъ играетъ съ дѣтьми, какъ ребенокъ, даетъ тянуть имъ себя за усы, а со всѣмъ тѣмъ противъ непріятеля, говоритъ Господинъ Маiоръ, онъ какъ левъ свирѣпой.

Слушай Генріетушка, буде можно будетъ, то завтра ввечеру буду я опять къ вамъ, и тогда пожалуй себѣ не будь такою робкою противъ Маiора. Я принесу съ собою скрыпицу, ты будешь на клависинѣ играть и пѣть, отецъ Ульрихъ будетъ пѣть вмѣстѣ съ нами.

И такъ прости любезная Генріетушка до завтрешняго вечера.

8

Генріетта Герстенфельдъ къ Карлу Вернеру.

Что тебѣ, любезной Карлъ, нашъ любви достойной Маiоръ столь понравился, тому не могла я внутренно не радоваться, естьлибъ не произошло у насъ нѣчто, о чемъ я очень сокрушаюсь, однако не спрашивай меня, что такое; я не знаю. Причина мнѣ неизвѣстна, а однѣ только послѣдствія

я

я вижу. Добросердечной нашъ Маiоръ со вчерашняго дня оченъ невеселъ и печаленъ. Старой Губертъ грустит, воздыхаетъ то и дѣло изъ глубины сердца, и наши дѣвки говорятъ, что видѣли его плачущаго. Великiй Боже! что то сдѣлалось такое? Карлъ, я такъ печальна, что у меня слезы изъ глазъ текутъ. Батюшка мой также очень невеселъ, а матушка, у которой Господинъ Маiоръ любимцомъ, и которую онъ не инако, какъ матерью, называетъ, также утираетъ времянемъ слезы въ глазахъ. Никого кажется посторонняго въ домѣ у насъ не было, писемъ также ни откуда не приходило; не могу понять, что такое, а спросить не отважусь. Губертъ ни съ кѣмъ не говоритъ. Сердце ажно ноетъ и грустить у меня, Ты знаешь, что неохотно я и червяка лишаю жизни, но естьлибъ знала, кто причинилъ печаль сему добродушному человѣку, то кажется моглабъ.... да! моглабъ — глаза ему выцарапать.

Радуюсь любезной Карлъ, что ты къ намъ будешь. Не позабудь же взять съ собою скрыпицы. Я стану играть

и

и петь столь хорошо и весело, какъ умѣю. О когдабъ могли мы опять развеселить любезнаго Гусара. Можетъ быть намъ и удастся любезной Карлъ! Прости.

9

Карлъ Вернеръ къ Генріеттѣ Герстенфельдъ.

Ну вотъ тебѣ на Генріетушка! вотъ и оказалось все: о бѣдной и нещастной я человѣкъ! такъ! —— это я ужѐ наперѣдъ узналъ, вотъ что вышло изъ шутокъ и издѣвокъ Ты, Генріетушка, не вѣдаешь, отъ чего Маіоръ не веселъ. Неужели не умѣешь ты пяти перечесть? А я такъ довольно знаю. — Онъ примѣтилъ, что мы любимся, какже и не быть таковымъ; можноль было тебѣ скрыть себя? А какъ онъ тебя любитъ, а въ любви твоей ко мнѣ препятствіе находитъ: то какъ же и не печалиться ему? Ну, будетъ же хорошо Генріетушка! вотъ видишь теперь послѣдствія. Бѣдной и нещастной я человѣкъ. Всего то труднѣе будетъ мнѣ ужѐ ладить. Генріетта, или Гусарская добыча, попастъ можетъ быть матеріею къ изрядному новому Ро-

Роману. Но чортъ меня возьми, естьли щотъ сей я не замараю, и не искрещу его крестъ на крестъ кровавыми полосами, столь широкими, какъ Гусарская сабля. Слышишь ты, дѣвка?

Проклятые солдаты! окаянная война! я желалъ бы, чтобъ Баварія лежала въ лунѣ, или еще далѣе. Король ведетъ ихъ противъ непріятелей, а они похищаютъ дѣвокъ у насъ. —— Чортъ это за маперъ! должно ли это имъ дѣлать?

Нѣтъ, сего дня я не буду. Дьяволъ пускай вѣритъ Гусарамъ, а вкупѣ и старому Губерту, которымъ малыхъ дѣтей изъ домовъ выгонять можно. Смотри, какъ знаешь, Генріетта; а я сдержу свое слово и кленусь въ томъ честію.

10.

Генріетта Герстенфельдъ къ Карлу Вернеру.

Боже мой! какія неугомонныя твари вы мущины, какъ сущая вода стремящаяся изъ пруда, когда прорветъ плотину. Какой злой духъ вселилъ въ тебя такія проклятыя мысли о Господинѣ Маіорѣ; но посмотри Карлъ, какъ

при-

пристыжу я тебя; а естьли не устыдишься ты, то недостоинъ того, чтобъ я тебя любила. Итакъ знай, что вчера ввечеру я лежа на груди у сего добродушнаго человѣка, котораго подозрѣніемъ своимъ ты такъ обезчестилъ, наичувствительнѣйшимъ образомъ плакала, его обнимала, его цѣловала, и усы его смочила моими слезами. Самое то же дѣлалъ и мой батюшка, а матушка цѣловала у него руки и омочала слезами; *а за что, слушай и устыдись* Карлъ!

Однако напередъ нѣчто другое. Ты любишь меня, это я знаю, и вить хочешь, чтобъ я была твоею женою? Однако вить ты и то довольно знаешь, что отецъ твой сребролюбивъ, что хочетъ женить тебя на богатой невѣстѣ, и что я бѣдная и ничего не имѣющая дѣвка, и что природа моя никому не извѣстна. —— Ну скажи! допуститъ ли отецъ твой до того, чтобъ ты на мнѣ женился? —— Допуститъ, любезной Карлъ, но безъ Маіора никакъ бы не допустилъ. Ну! слушай, что происходило.

Передъ

Передъ вечеромъ вошелъ Маіоръ въ нашу горницу съ веселымъ видомъ, и такъ свѣтелъ, какъ вешнее утро. Мы всѣ трое сидѣли у камина, и онъ сѣлъ съ нами. —— Подика ко мнѣ, любезная Генріеттушка, мнѣ хочется тебѣ сказать нѣчто. Я пошла къ нему — а онъ обхватя меня, и приподнявъ посадилъ къ себѣ на колѣни. ——

Скажика мнѣ истинну, любезное дитя! Карлъ Вернеръ вить любовникъ твой? —— Я сгорѣла тогда отъ стыда, и лице мое такъ сдѣлалось красно, какъ огонь въ каминѣ. —— Говори, моя любезная, не стыдись пожалуй. —— Велишь ли мнѣ за себя отвѣчать, любезная Генріетта, спросилъ меня батюшка. —— Такъ, Господинъ Маіоръ, вы угадали; дѣвушки охотно имѣютъ любовниковъ, но сказываютъ о томъ неохотно. —— Ну хорошожъ! любезная Генріетта, я похваляю твой выборъ; но думаю, что ты не богата, молодой же Вернеръ, слышалъ я, имѣетъ достатокъ. Я желаю тебѣ, любезное дитя, отъ всего моего сердца всякаго добра и благополучія. Я богатъ и мнѣ не надобно многаго: ты осчастливишь меня тѣмъ, когда

когда будешь щастлива. И такъ, чтобъ ничто не могло мѣшать вашему соединенію, то дарю тебѣ тысячу червонныхъ, да перстень сей, которой должна ты отдать жениху своему. Пріятель мой изъ . . . . пришлетъ къ тебѣ на деньги сіи вексель. И ежели меня ужѐ здѣсь не будетъ, когда придетъ письмо сіе: то пожалуйте вы, Господинъ Пасторъ, распечатайте оное, и получите деньги сіи въ Б . . . . для моей любезной дочери.

Ну! тепер думай самъ Карлъ, въ *какомъ состояніи* были мы всѣ при такомъ великодушномъ и неожидаемомъ предложеніи. Нѣмы и безгласны были мы, какъ рыбы. Я плакала рыдая, тоже самое дѣлала матушка. Батюшка держалъ Фолкмарову руку, но говорить не могъ также. Наконецъ рушилось молчаніе: батюшка обнялъ Ангела въ гусарской шубкѣ, я сдѣлала тожъ, матушка тожъ, и такъ прилипли мы къ нему, какъ рѣпьи къ платью.

Ахъ Карлъ! никогда, никогда не плакивала я съ такою чувствительностію. Руки мои такъ крѣпко охватили сего добросердечнаго мужа, и уста

мои припечатлѣлись къ его усамъ, что я не могла отъ него оторваться. Наконецъ отдохнули мы нѣсколько, мы благодарили, благодарили, благодарили; всѣ, всѣ, всѣ осыпали мужа сего лобызаніями нашими и проливали слезы радости и благодарности на его руки.

И такъ вотъ тебѣ! не правда ли, любезной Карлъ, изрядной щотъ! не правда ли? —— Ну марай его теперь, крести крестъ на крестъ кровавыми полосами, столь широкими, какъ гусарская сабля!

Приходи въ севоднешней вечеръ недовѣрчивой человѣкъ, и цѣлуй у Ангела нашего руку, какъ я, и какъ мы всѣ дѣлали. Приноси съ собою скрыпицу. —— Севодни будетъ у насъ сговоръ, и чтобъ ты зналъ, то имѣю я тысячу червонныхъ, и для тебя перстень, которой батюшка мой цѣнитъ въ четыреста талеровъ. Но знаешь ли, что я и кромѣ сего имѣю еще весьма драгоцѣнной перстень? Батюшка показывалъ мнѣ его недавно. Онъ говорилъ, что онъ мой, но почему онъ мой, того мнѣ не сказывалъ; а спросить мнѣ его о томъ не удалось, пришелъ нѣкто и помѣ-

помѣшалъ: но при первомъ случаѣ спрошу. Скажи Карлъ, не радъ ли ты теперь, не радъ ли свиданію нашему въ сей вечеръ? теперь не уповаю, чтобъ сталъ ты опять столь дурно поступать, и въ чистосердечіи Господина Маіора сомнѣваться.

II

Карлъ Вернеръ къ Генріеттѣ Герстенфельдъ.

Какой вечеръ, любезная Генріетушка имѣли мы вчера! наипрекраснѣйшій и преславнѣйшій во всю жизнь мою. Боже мой! какой это человѣкъ Маіоръ Фолькмаръ. Ну, теперь не стану я никогда болѣе ругать солдатовъ. Одинъ онъ столь хорошъ, что тысяча другихъ не столь добрыхъ могутъ за нимъ, какъ за щитомъ, скрыться. Любезная, дорогая Генріетта, люби сего добродушнаго! Никогда не можемъ мы его довольно возлюбить, сего Ангела, сего отца нашего. А мы то, мы, Генріетушка, щасливы! — Ахъ! я и теперь еще какъ пьяной отъ радости, не могу собраться еще съ духомъ. — Ахъ Генріетта! мы будемъ владѣть

 другъ

другъ другомъ, будемъ щастливы сами собою —— тысяча червонныхъ. — Однако, Генріетушка! по крайней мѣрѣ не думаешь ты того, чтобъ ты мнѣ за сію тысячу червонныхъ милѣе сдѣлалась. Проклята будь сія гнусная мысль, естьли ее ты и естьли я ее помышлять стану. Естьлибъ я тебя безъ сихъ денегъ отъ отца моего получить могъ: то охотнѣе бы хотѣлъ, чтобъ милой Гусаръ не давалъ намъ ихъ. Единственно въ семъ только разумѣ пріятны мнѣ червонцы. Но что я это тебѣ сказываю Генріетта? Ты знаешь и безъ того твоего Вернера, и судишь объ немъ, по опытамъ правадушія, имъ оказаннымъ тебѣ. —— Ну, теперь ты на вѣкъ моя! еще до жнитва будешь моею женою! поѣдемъ въ С. . . : гдѣ управляю я селомъ, и станемъ себѣ жить тамъ, покуда въ состояніи будемъ взять на аренду, или купить лучше. Веселись дорогая Генріетта помышленіемъ о будущемъ. Будущее время ласкаетъ насъ весьма прекрасною надеждою. Будь благополучна и прости до завтра.

12
Леопольдъ Фолькмаръ къ Вильгельму Визенау.

Благодарю, праводушной другъ, за письмо, которымъ обрадовалъ ты меня сего дня: теперь надѣюсь, что получилъ ты и посланное мною къ тебѣ недавно. —— Ахъ пожалуй не говори мнѣ ничего, любезной Вильгельмъ, о щотахъ, не требую я никакихъ отъ тебя: человѣкъ, такой честной человѣкъ, какъ ты, давно ужѐ *во всемъ счелся.* Дѣлай съ *доходами моими* что хочешь, не забывай только моихъ бѣдняковъ и вообще всѣхъ бѣдныхъ. Сіи люди у насъ на хлѣбѣ, и имѣютъ свой участокъ въ томъ, что намъ Богъ посылаетъ. Къ жалованью твоего сына прибавь 50 талеровъ, которые можешь ты брать съ лѣсныхъ доходовъ въ В. . . . . . не дѣлай мнѣ никакихъ возраженій, я сего хочу. Вдовѣ прежняго Пастора умножь мѣсячное содержаніе двумя талерами и помогайте сыну ее въ Галлѣ. —— Не допускай, чтобъ старой Геинсъ еще работалъ, но сдѣлай жизнь его столь спокойною, какъ душа его похочетъ. Въ

 осо-

особливости же и паче всего имѣй попеченіе о старомъ сѣдомъ Греберѣ; я обязанъ ему моею жизнію: безъ него бы остался я лежащимъ при Фрейбергѣ и сгнилъ бы тамъ. Поклонись отъ меня сему доброму старику и скажи, что я люблю его. Пересылкою векселя, о которомъ я тебя просилъ послѣднимъ письмомъ, поспѣши мой другъ, какъ можно.

Мы кантонируемъ еще здѣсь. Служба наша чрезвычайно трудна. Мы должны чрезъ день быть въ строю и учиться. Люди стоятъ такъ тѣсно въ квартирахъ, что происходятъ изъ того великія неудобства. Король, благодаритъ Бога, здоровъ, и ѣздитъ верьхомъ, какъ юноша. Онъ посѣщаетъ насъ часто, и какъ мы не знаемъ когда онъ будетъ, то и должны быть на всякой часъ въ готовности. Недано пріѣжжалъ онъ два дни сряду къ намъ.

Всѣ таковые случаи бываютъ прямою утѣхою и отрадою старому и доброму моему хозяину. Всякой разъ онъ внѣ себя, какъ ни случится ему Короля увидѣть. Недавно бралъ я его съ собою на ученье; я посадилъ его на смирнѣйшую изъ своихъ лошадей, и Губертъ,

его

его любимецъ, долженъ былъ безотлучно при немъ быть. Старина милая дѣлалъ всѣ эволюціи, которыя лошадь его довольно разумѣла, вмѣстѣ съ нами, и сидѣлъ на лошади, какъ доброй Гусаръ. Я тебѣ сказывалъ, что былъ онъ драгунскимъ полковымъ Пасторомъ. Всѣ мои Гусары его очень любятъ. И могъ ли бы ты повѣрить, что недавно сіи неуклюжіе усачи, во время одной его проповѣди, въ которой въ особливости онъ ихъ привѣтствовалъ, одинъ за другимъ кулаками по глазамъ своимъ водили? Хоть сей часъ на сраженіе съ ребятами такими, думалъ тогда я, цѣлой полкъ изрублю въ пирожные куски.

Какъ пришли мы изъ церькви домой, то вошелъ Губертъ въ горницу, ухватилъ у Пастора руку и поцѣловалъ ее. Исполать! Господинъ Пасторъ за прекрасную твою проповѣдь. Впредь буду я отчасу набожнѣе и стану молиться Богу чаще, дабы въ случаѣ, когда бравой какой Венгерецъ располосуетъ сѣдую мою голову, я могъ бы попасть въ царство небесное. Пардона вѣрно я не приму, и на шестьдесятъ седьмомъ году не дамъ себя тащить въ полонъ.

Чувствительно было для меня сіе явленіе, весьма чувствительно, любезной Вильгельмъ! стараго и столь храбраго воина каковъ Губертъ, видѣть плачущаго при таковомъ случаѣ весьма несносно: меня трогало очень сіе, и я чувствовалъ то же.

Я люблю и охотно имѣю въ командѣ у себя солдатъ набожныхъ. Изъ семнатцатилѣтней опытности знаю я, что они всегда лучше прочихъ, имѣютъ постояннѣйшую смѣлость, боятся смерти меньше и атакуютъ безъ робости. Когда обстоятельства не сдѣлаютъ невозможнымъ, то всякой разъ почти они побѣждаютъ. Офицеръ, буде по щастію имѣть будетъ таковыхъ, а притомъ естьли и самъ храбръ, можетъ чрезъ нихъ произойти въ люди. —— По истиннѣ должнобъ обращать на сіе око, послѣдствія пользу отъ того конечнобъ доказали.

Какъ былъ я еще Корнетомъ, то отправленъ былъ въ первую партію въ Саксоніи съ командою, изъ четырнатцати только Гусаръ состоящею. Мы не чаяли тамъ быть непріятелю, гдѣ находились, но вдругъ повстрѣчались съ не-

непріятельскою партіею, изъ 30 человѣкъ Гусаръ состоящею. Увидѣвъ превосходное ихъ число, мы остановились и оторопѣли, но одинъ старой и въ дѣлѣ бывшей Вахмистръ, которому ремесло сіе было знакомѣе, нежели мнѣ тогда, и которой нами предводительствовалъ, сказалъ мнѣ: Здѣсь нѣтъ инаго средства, господинъ Корнетъ, мы должны атаковать! Браво! отвѣтствовалъ я. Онъ сдѣлалъ свои диспозиціи, надвинулъ шапку свою на глаза, далъ лошади шпоры и закричалъ *съ Богомъ*! всѣ мои Гусары закричали, какъ въ одинъ голосъ *съ Богомъ* и пустились. Мы атаковали храбро, семерыхъ срубили, партію прогнали, и десятерыхъ взяли въ полонъ. Какъ дѣло мы окончили, то закричалъ старикъ Вахмистръ, у котораго кровь отъ раны капала съ шубы: Это было *съ Богомъ*, господинъ Корнетъ! примѣчайте вы ребята! начинайте всегда *съ Богомъ*, и вамъ будетъ всегда удаваться. Это замѣтилъ себѣ и я, любезной Вильгельмъ, и признаюсь, что въ послѣдствіи узналъ, что это правда. И съ того времени всякой разъ, какъ доходило дѣло до того, чтобъ врубаться,

крикивалъ *съ Богомъ*! и могу сказать, что всегда побѣждалъ, а никогда не бѣгивалъ. —— Съ Губернтомъ я опять примирился. Многова стоило мнѣ его успокоить, онъ такъ былъ печаленъ и уныленъ, какъ бы проиграли мы баталію.

* * *

Ахъ! любезной другъ, какой преславной вечеръ имѣлъ я въ тотъ день, какъ писалъ къ тебѣ послѣднее письмо. На всю Баварію, о которой мы нынѣ воевать хотимъ, не промѣнялъ бы я онаго. Легко можешь догадаться, что рѣчь идетъ о приданомъ. Что мнѣ тебѣ сказать о происходившемъ тогда, какъ я предложеніе свое дѣлалъ равно какъ и послѣ онаго? Хотя бы охотно хотѣлъ тебѣ все расказать, но не могу. Я награжденъ, Вильгельмъ, награжденъ мой другъ, и съ лихвою награжденъ. Мнѣ кажется, что симъ-то образомъ ощущается царствіе небесное здѣсь на землѣ. Каждой почитаетъ меня здѣсь нѣкакимъ существомъ особаго и вышняго рода. Худая то честь для человѣчества, мой другъ, что благородныя дѣянія столь рѣдки, что, какъ скоро гдѣ случится

чится таковое, такъ тотчасъ и почитаютъ произведшаго оное превыше человѣка и нѣкакимъ вышшимъ существомъ.

Любящаяся чета равно какъ на небѣ теперь. Генріетта, какъ агнецъ непорочной, вьется вокругъ меня и лобызаетъ всѣ члены мои изъ благодарности. Карлъ Вернеръ цѣлуетъ мои руки. Отецъ Улрихъ называетъ меня Ангеломъ Господнимъ: а милая его старушка ласкается ко мнѣ, какъ влюбленная. *Ну! не позавидуешь ли ты мнѣ Вильгельмъ?*

* * *

Теперь узналъ я наконецъ, все, все, что до Генріетты касается. Севодни старикъ мнѣ все разсказалъ. Поутру послѣ той ночи, въ которую Губертъ зажигателемъ былъ, пошелъ добросердечной Пасторъ въ садъ, лежащей за его домомъ. Онъ услышалъ вдали жалкой плачь робенка, и пошелъ на голосъ. Но какъ тронуто было его доброе сердце, какъ нашелъ онъ маленькаго, и кое какъ оберченаго робенка? въ ту минуту подхватилъ онъ его на руки, побѣжалъ домой

мой и положилъ предъ своею женою. — На-ка тебѣ, матушка, даръ отъ Всевышняго, возьми-ка и воспитай малюшку сію къ славѣ того, которой создалъ и насъ удостоилъ тѣмъ, чтобъ одарить ее. Добросердечная старушка ужаснулась сперва о семъ подаркѣ: однако приняла его охотно. И оба старики воспитали ее такъ хорошо, что не лучше бы того поступили съ родною своею дочерью. Дитя имѣло всѣ признаки новорожденной, и какъ Пасторъ не сомнѣвался, что она еще не крещена, то окрестилъ и назвалъ ее именемъ жены своей Генріеттою, а по причинѣ, что нашелъ ее на полосѣ, посѣенной ячменемъ, случившейся въ саду его, проименовалъ ее Герстенфельдъ. (*) Нѣкто изъ сосѣдей сказывалъ, что поутру рано видѣлъ онъ одну маркитаншу, идущую изъ сада: и такъ думать надобно, что ребенокъ сей положенъ былъ оною.

Вотъ все мой другъ, что извѣстно о сей милой бѣдняшкѣ! однако да не будетъ ей ни въ чемъ недостатка. Съ сего времени да будетъ она моею дочерью:

(*) Герстенфельдъ значитъ ячменая нива.

черью: и я стану объ ней пещись, какъ отецъ, буде въ живыхъ останусь, и есть ли нѣтъ, то препоручаю я тебѣ ее, мой другъ любезной, и поручаю съ усильною прозьбою. — Теперь не буду я къ тебѣ прежде писать, покуда не получу отъ тебя отвѣта и векселя: и такъ будь до тѣхъ поръ благополученъ, любезной Вильгельмъ; поклонись всѣмъ моимъ друзьямъ и пріятельницамъ, равно какъ и оставшимъ моимъ служителямъ и мужичкамъ самымъ; еще разъ прости и будь благополученъ.

13.

Генріетта Герстенфельдъ къ Карлу Вернеру.

Я печьльна, и очень печальна, любезной Карлъ! севодни поутру получилъ любезной нашъ Маіоръ ордеръ, чтобъ явиться въ Б . . . къ Генералу. И такъ теперь въ домѣ нашемъ такъ пусто, и такъ скучно, какъ на кладьбищѣ. О Боже! какъ буду я грустить, когда отбудетъ отъ насъ совсѣмъ нашъ Гусаръ любви достойной. Ахъ! любезной Карлъ, онъ идетъ туда, туда, на

кровавое поле, противъ раздраженнаго непріятеля, гдѣ столь ужасно стрѣляются и столь страшно рубятся. Ну! естьли его убьютъ: ахъ! естьли его убьютъ у насъ. Великій Боже! я умру отъ горести и сокрушенія. Ахъ любезной Карлъ! станемъ мы за него наиприлѣжнѣйшимъ молиться образомъ и прямо отъ усердія и съ вожделѣннымъ сердцемъ: и батюшка и матушка, мы четыре добрыя души, чтобъ взялъ его Всемогущій въ покровительство свое и сохранилъ бы намъ его жива и здорова.

Хоть бы ты ужè ко мнѣ пришелъ. Я совсѣмъ теперь уныдна и въ разстройкѣ мыслей и слезы готовятся течь изъ глазъ. Не прежде, какъ завтра ввечеру возвратится нашъ Маіоръ любезной. О какъ это долго, очень долго. Теперь только принесли письмо къ нему съ почты. Губертъ знаетъ руку на подписи и говоритъ, что оно изъ его деревни, отъ его пріятеля, нѣкоего господина Визенау. И этотъ сказываютъ также прямо доброй господинъ, однако все таки не таковъ хорошъ, какъ нашъ Фолькмаръ.

Сево-

Севодни Губертъ расказалъ мнѣ и то, о чемъ Маiоръ нашъ недавно такъ и печалился: —— какъ бы ты думалъ: о сожженiи только городка Н . . . въ прежнюю войну. Кажется, миновало съ того времяни много уже лѣтъ, чтобы такое причиною тому было, что беретъ онъ въ томъ столь великое соучастiе? Правда, Губертъ говоритъ, что потерялъ онъ въ немъ великое сокровище, но въ чемъ бы оно состояло, того я не вѣдаю· Фолькмаръ богатъ и не сребролюбивъ. О семъ никто уже лучше насъ съ тобою не знаетъ; и такъ деньгамъ и имѣнiю быть едва ли можно. Губертъ при расказыванiи о семъ былъ очень тронутъ: но онъ и долженъ. Ибо не самъ ли онъ помогалъ зажигать сiе мѣстечко. Ахъ, говоритъ онъ: естьлибъ можно было возвратить сiе и передѣлать, охотно бы я и усы, и голову свою за это отдалъ. Сказавъ сiе оборотился онъ прочь, и мнѣ показалось, что утиралъ онъ глаза обращеною рукою. О какъ бы добра я къ нему была, естьлибъ не сдѣлалъ онъ сего зла и не поступилъ столь звѣрски съ бѣднымъ нещастнымъ робенкомъ!

При-

Придешь ли ты, любезной Карлѣ? Приходи пожалуй. Я тебя стану дожидаться.

14.

Карлѣ Вернерѣ кѣ Генріеттѣ Герстенфельдѣ.

Бѣдная любезная Генріетта: какѣ сожалѣю я о томѣ, что ты печальна, а того больше, что мнѣ у тебя побывать не льзя. Никакѣ не можно! — батюшка мой лежитѣ отѣ простуды вѣ постелѣ. Все возложено теперь на меня. Можетѣ быть завтра. Не сокрушайся Генріетта дорогая. Господинѣ Маіорѣ возвратится вѣ скоромѣ времени, и севодни говорили наши Офицеры, что статься можетѣ, что и мирѣ сдѣлается, потому что Цесарь соглашается будто отдать назадѣ Баварію. Окаянная Баварія! не лучшель бы было, естьлибѣ лежала ты тамѣ, гдѣ живутѣ Готентоты: и за чѣмѣ кѣ нашему несчастію лежитѣ она тамѣ, гдѣ лежитѣ нынѣ? Я не имѣю времени болѣе писать. Прости, любезная Генріетта!

15.

Леопольдъ Фолькмаръ къ Вильгельму Визенау.

Я нашелъ твое любезное письмо возвратившись изъ Б***, куда ѣздилъ я къ Генералу. Нѣтъ еще ничего о походѣ, но нѣтъ ничего достовѣрнаго и о мирѣ: но чтобъ ни воспослѣдовало, любезной Вильгельмъ, я готовъ ко всему, что Король мой хочетъ — Благодарю чувствительно за усердiе твое и старанiе о угожденiи мнѣ. Вексель отданъ. Въ *самое то* время случилось *обоимъ* любовникамъ быть вмѣстѣ. Ахъ Вильгельмъ! не могу и не въ состоянiи я то описать, Генрiетта есть истинной Ангелъ въ дѣвичьемъ платьѣ, а молодой Вернеръ также любви достойной малой. Никогда такъ доволенъ богатствомъ своимъ я не бывалъ, какъ нынѣ.

О другъ! любезной другъ! чего требуешь ты отъ меня? Ты хочешь слышать повѣсть, печальную и страшную повѣсть о *Люизѣ*: но въ силахъ ли я тебѣ ее разсказать? — Однако не могу тебѣ ни въ чемъ отказать, хоть тяжко, и очень тяжко мнѣ то будетъ.

детъ. И такъ будь по твоему. Пускай потечетъ изъ раны еще разъ кровь, ибо что она растворится и растворится вся, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Не надлежало бы тебѣ того отъ меня требовать, дорогой Вильгельмъ, но какъ ты это уже сдѣлалъ, то послушай:

Какъ въ 1758 году мы досыта по полямъ натаскались, и суровая зима насъ посократила: то вступили войска въ зимнія квартиры. Ротмистръ мой, ибо я тогда былъ еще Порутчикомъ, лежалъ въ Бреславлѣ отъ ранъ: и такъ командовалъ я эскадрономъ. Намъ ассигновали Амтъ . . . . . и я сталъ квартирою въ самомъ Амтманскомъ домѣ. Тутъ нашелъ я старика Амтмана и его дочь, которая одна и была только у него. Ахъ Вильгельмъ! какая дѣвка! таковажъ почти, какъ Генріетта, только не много пониже и поплотнѣе ее, а впрочемъ стольже любви достойна, какъ и она. Я былъ тогда еще въ самомъ цвѣтѣ моихъ лѣтъ и великой волокита: и такъ естественно, что дѣвка сія мнѣ понравилась. Съ начала почиталъ я ее изрядною гусарскою добычею; но скоро увидѣлъ, что я въ томъ обма-

ма-

манулся. Люиза была цѣломудренна. — И такъ началъ я любить ее въ самомъ дѣлѣ, и страсть моя къ ней въ короткое время такъ усилилась, что я не въ состоянiи былъ противиться оной. Мысли и правила имѣлъ я тогда такiя, которыхъ теперь стыжуся, и которыхъ надлежалобъ стыдиться всякому молодому воину. Я употреблялъ всѣ удобовозможные способы, какiе только сластолюбецъ изобрѣсть можетъ къ соблазненiю Люизы, но ни единой изъ нихъ не былъ мнѣ удаченъ. Богу буди благодаренiе за то!

Со всѣмъ тѣмъ могъ я примѣтить, что и она была ко мнѣ неравнодушна, а скоро и съ достовѣрностiю я узналъ, что она меня любитъ. Что мнѣ было тогда дѣлать? Душа моя была такъ къ душѣ сей дѣвицы привязана, что для полученiя ее предпрiялъ бы я все на свѣтѣ. Я предложилъ ей бракъ. Радость написана была у ней тогда на глазахъ, однако она отослала меня къ отцу своему. Я послушался ее и обратился къ старику. Онъ узналъ отъ людей о домашнихъ моихъ обстоятельствахъ: и не отказалъ мнѣ въ томъ, но требо-

валЪ, чтобЪ мы обвѣнчались. Тогда находился я опять вЪ затрудненіяхЪ. НамЪ не можно было безЪ дозволенія Королевскаго жениться: но тогда такое ли время было, чтобЪ утруждать безделицею такою сего Государя которому не доставало времени и о самомЪ себѣ помыслить. Но пылающая моя любовь изобрѣла средство. Я преклонилЪ на свою сторону полковаго Пастора одного вЪ сосѣдствѣ стоящаго полку, и обвѣнчался тайно сЪ Люизою при присутствіи отца ее. Я обѣщалЪ объявить женидьбу свою такЪ скоро, какЪ дозволятЪ мнѣ обстоятельства, и обѣщалЪ сЪ чистымЪ сердцемЪ и вЪ намѣреніи дѣйствительно то исполнить; а до того времени условились мы, чтобЪ Люиза жила у отца своего.

Тогда было все хорошо. Любовь наша другЪ ко другу была искреннѣйшая и наинѣжнѣйшая, и я утѣшался помышленіями о блаженствѣ будущаго времени, вЪ которое буду открыто жить сЪ столь любви достойною супругою, которая одарена была не только красотою лица, но и изящнымЪ сердцемЪ и превосходнымЪ разумомЪ.

О коль щастливЪ былЪ бы твой ФолькмарЪ, Вильгельмъ, естьлибЪ совершились всѣ его надежды и упованія! Но съ нимЪ было то, что бываетЪ съ спящимЪ, которой во снѣ видитЪ у себя превеликія сокровища и вознамѣривается употребить ихЪ на разныя предпріятія, но пробудившись, ничего у себя не находитЪ.

ВЪ блаженномЪ союзѣ съ любви достойнѣйшею женщиною прошла непримѣтно зима. Время сіе было наилучшее вЪ жизни, и какЪ мирЪ не состоялся, то МарсЪ вызывалЪ насЪ паки на брань. АхЪ ВильгельмЪ! я былЪ храброй солдатЪ: ты знаешь, что я и теперь таковымЪ и впредь таковымЪ буду; однако тогда съ войною было ужасное дѣло! совсѣмЪ тѣмЪ съ честію не можно было мнѣ никакЪ отЪ ней отстать. Я не буду отягощать тебя ненужными околичностями, а того меньше описаніемЪ горести, вздоховЪ, слезЪ и отчаянія безутѣшной моей Люизы. Сіе привелобЪ только меня не вЪ состояніе продолжать повѣсть далѣе.

ВЪ первыхЪ числахЪ Марта 1759 года велѣно мнѣ было выступить вЪ походЪ.

холъ. — Ни слова не скажу о разставаньѣ, любезной Вильгельмъ, ни единаго слова, и помышленіе о томъ для меня съ лишкомъ прискорбно, а описывать того никакъ не могу. Нашъ полкъ соединился съ корпусомъ войска, идущимъ тогда въ Саксонію. Военныя дѣйствія начались столь живо, что казалось, будто сошлись совсѣмъ новыя войска. Раздраженіе ихъ другъ противъ друга увеличилось гораздо. Всѣ пылали рвеніемъ рубить и колоть другъ друга. Эскадронъ мой, ибо Ротмистръ былъ еще отъ ранъ боленъ и остался въ Бреславлѣ, былъ совершеннѣйшимъ образомъ укомплетованъ: и какъ употребилъ я на него многое, то былъ онъ лучшимъ въ полку и одинъ изъ знаменитѣйшихъ при всемъ корпусѣ.

Я имѣлъ не однажды съ непріятелемъ кровопролитныя сшибки и при двухъ разныхъ случаяхъ былъ два раза, хотя и не опасно, раненъ. Кампанія сія была для насъ чрезвычайно трудная. Мы дѣлали марши, и предпринимали дѣла, которымъ по произведеніи ихъ въ дѣйство сами удивлялись. Храбрость и отвага войскъ доходила до невѣроятно-

ностей. Великое превосходство въ числѣ войскъ непрiятельскихъ не уважалось ужъ ни мало; но вездѣ, гдѣ бы онѣ ни показались, были нами атакуемы и почти всякой разъ побѣждаемы. Все сiе было славными слѣдствiями великой и славной баталiи, выигранной Королемъ при Лиссѣ, надъ армiею, которая въ четверо была больше его собственной.

* * *

Тутъ получилъ я наипрiятнѣйшее извѣстiе изъ всѣхъ, которыми я въ жизнь мою бывалъ обрадованъ. Люиза, любезная моя супруга, увѣдомила меня, что она была беременна. Не могу описать того удовольствiя, любезной Вильгельмъ, которое ощущало сердце мое при полученiи радостнаго извѣстiя сего. Коль охотно побывалъ бы я тогда у ней; дни и ночи готовъ бы я былъ скакать и двадцать лошадей до смерти замучить; но никакъ было не можно. Немногiя наши войска, имѣвшiя тогда съ ужаснымъ множествомъ непрiятелей дѣло, бы. и въ безпрерывномъ упражненiи; и каждой храброй воинъ, любящей своего Короля, находилъ столь много для себя

дѣла, что и помышлять было не можно объ отлучкѣ и объ отпускѣ. Между тѣмъ ласкался я по крайней мѣрѣ надеждою, что въ будущую зиму и какъ станемъ на винтеръ-квартиры, удовольствую я свое желанiе.

Кампанiя мало по малу начала наконецъ приближаться къ окончанiю. И люди и скотъ отъ безпрерывныхъ маршей и трудовъ выбилися почти изъ силъ, и желали покоя и отдохновенiя. Но я принужденъ былъ оную ранѣе прочихъ, и для меня крайнѣ непрiятнымъ образомъ кончить. Въ войскѣ нашемъ ужѐ въ обычай вошло требовать отъ маленькихъ партiй важныхъ предпрiятiй. Вопросъ, сколь силенъ непрiятель, бывалъ очень рѣдко; по крайней мѣрѣ не могу я припомнить, чтобъ слыхалъ я оной отъ Гусаръ своихъ. Когда я ими предводительствовалъ, такъ было сего одного для нихъ довольно, для послѣдованiя за мною, и надѣянiе на меня, а мое на ихъ храбрость, было столь велико, что намъ ничто не казалось труднымъ. Въ сiе время былъ я ужѐ Ротмистромъ, слѣдовательно эскадронъ былъ собственно мой, и люди въ немъ

всѣ

всѣ отборные, а сабля наша была столь страшна непріятелямъ, что и одинъ страхъ, идущей предъ нами, помогалъ уже намъ много побѣждать оныхъ.

* * *

Нѣкогда поручено мнѣ было одно дѣло, и я исправилъ его съ Гусарами своими, какъ должно. День сей былъ и для непріятелей, и для насъ, очень кровопролитенъ. Мы шли уже назадъ съ побѣдою, честію, добычею и военоплѣнными и думали, что въ тотъ день не будемъ уже имѣть болѣе дѣла, какъ вдругъ и нечаянно напала на насъ изъ лѣса непріятельская партія Гусаръ, числомъ своимъ гораздо насъ превосходящая. Въ бывшее до того сраженіе потерялъ я многихъ изъ лучшихъ своихъ людей, другіе многіе были ранены, я и самъ въ числѣ сихъ послѣднихъ находился. И такъ обстоятельство и положеніе, въ какомъ я тогда находился, было очень худо, и сдѣлалось еще тѣмъ хуждшимъ, что плѣнные, которыхъ мы вели, насъ связывали и обременяли. Я положилъ велѣть ихъ всѣхъ переколоть, но времени къ

тому мнѣ не осталось. Непріятель бросился на насъ, какъ градовая туча, когда ее буря гонитъ.

Въ малой войнѣ не видывалъ я никогда кровопролитнѣйшаго и жесточайшаго сраженія, и никогда не видывалъ и столь ясно, что можетъ производить отвага и неустрашимость. Мы надѣлали тутъ дѣлъ, какихъ сами отъ себя не ожидали. Одинъ Цесарской Гусаръ схватилъ съ меня шапку саблею съ головы; а я въ тужъ минуту разнесъ ему черепъ по поламъ; но въ самое то время попала и въ меня сабля, отъ которой рубецъ и теперь еще на лбу моемъ столь явственно виденъ. Нѣкто изъ Гусаровъ моихъ сразилъ порубившаго меня на землю, а меня въ самой тотъ мигъ пистолетной выстрѣлъ опровергъ съ лошади, прострѣлившей грудь мою.

Далѣе ужѐ я не видалъ, что происходило; смертной мракъ покрылъ мои очи, и ужѐ послѣ провѣдалъ я, что было. Не успѣли Гусары мои увидѣть меня упадшаго съ лошади, какъ прежняя ихъ львиная ярость обратилась въ самое бѣшенство. Никто изъ нихъ не хотѣлъ пережить своего Ротмистра, и всѣ положи-

ложили умереть отмщая за смерть его. Превосходной непріятель не въ состояніи былъ выдержать бѣшенство сихъ разъярившихся тигровъ: онъ отступилъ и ретировался въ порядкѣ. Люди мои не могли гнаться за нимъ усильно. Ихъ лошади, имѣвшія въ тотъ день ужè столь много дѣла, совсѣмъ ослабли. Ни одного изъ нихъ не было почти безъ раны, и число ихъ весьма уменьшилось.

Въ сей схваткѣ эскадронъ мой такъ отдѣланъ былъ, какъ хуже быть не можно. *Я одержалъ побѣду*, это правда, *но за побѣду сію заплатилъ* такъ дорого, что мнѣ и теперь еще прискорбно, какъ пишу сіе. *Я* потерялъ людей, кои храбрѣйшіе въ ихъ родѣ были, и каждой изъ нихъ принадлежалъ мнѣ душею и тѣломъ. Сколько было мертвыхъ, столько потерялъ я друзей у себя! Боже! награди мужей сихъ храбрыхъ, въ томъ вѣкѣ и въ царствіи твоемъ, за усердіе ихъ оказанное ко мнѣ! Никогда не бывало людей носившихъ сабли, которые бъ превосходили оныхъ.

Древняя Исторія прославляетъ очень случаи, когда горсть храбрыхъ Грековъ прогоняла иногда цѣлыя арміи не-

непрїятелей. Коль много таковыхъ произшествїй представляетъ на яву намъ бывшая семилѣтняя война. При многихъ таковыхъ случалось бывать мнѣ самолично. Самое сїе было такова рода. Я не хочу ни мало уменьшать храбрость и ироическїя дѣла мужественныхъ Грековъ: но не помрачатъ же они вѣрно и нашихъ. То по крайней мѣрѣ достовѣрно, что имѣли они дѣло на большую часть съ непрїятелями слабыми, изнѣженными, и такими, которымъ не доставало мужества, отваги, а не рѣдко и воинской дисциплины. Несмѣтное множество оныхъ ничего не значитъ: множество сїе не успѣетъ притти въ разстройку, такъ кажется, что было только для того ихъ много, чтобъ тѣмъ лучше и удобнѣе ихъ побивать было можно; но нашъ случай совсѣмъ инаковъ. Кто вздумаетъ Австрїйскїя войска обвинять нѣгою, или приписывать имъ недостатокъ въ мужествѣ, отвагѣ и военной дисциплинѣ: тотъ либо не знаетъ ихъ, либо лжетъ и клевещетъ; что касается до меня, Вильгельмъ, то я знаю ихъ довольно; не одинъ разъ задавали онѣ мнѣ такое потовое, что

я кровію потѣлъ. Правда, я имъ и платилъ за то честно, и саблю мою не однажды ощущали онѣ съ болѣзнію, но часто и онѣ отплачивали мнѣ и съ лихвою еще такоюжъ монетою. Тутъ былъ ужѐ не Грекъ противъ женоподобнаго Персіянина и немужественнаго Мидянина: но дрался Грекъ противъ Грека, а совсѣмъ тѣмъ при концѣ выигрышъ остался на нашей сторонѣ. — Что учинятъ онѣ въ нынѣшнею войну, это увидимъ изъ опытности: а между тѣмъ *можно сказать*, что люди наши очень натравлены. Нашъ полкъ, а таковы они и всѣ, находится въ столь хорошемъ состояніи, что едва ли можетъ быть въ лучшемъ. Люди, лошади, все изящно, и изящнѣе ихъ нигдѣ нѣтъ. Мой эскадронъ ты знаешь. Каждой человѣкъ Герой! я надѣюсь многое ими надѣлать, любезной Вильгельмъ, и думаю, что ты услышишь вскорѣ, что милой твой Гусаръ рукомесла своего не позабылъ еще.

* * *

Храбрые мои Гусары получивъ съ толикимъ трудомъ кровавую побѣду, воз-

возвратилися тогда назадъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ любезной Ротмистръ ихъ. Изъ меня вытекло тогда множество крови. Отъ сего и отъ раны лежалъ я безъ памяти и безъ чувства; но какъ они подняли вокругъ меня превеликой шумъ, и начали сбираться несть меня прочь, то опамятовался я и отворилъ глаза. Боже мой! какой начался тогда радостной вопль, какъ они сіе увидѣли! никто не помышлялъ о своихъ ранахъ, никто не ощущалъ собственной болѣзни, но всѣ упражнялись однимъ мною. Старикъ Греберъ! любезной Вильгельмъ, —— Бога ради, имѣй ты о семъ добросердечномъ старомъ Героѣ попеченіе —— старикъ Греберъ прилегъ ко мнѣ и ревѣлъ отъ радости. У него у самаго была на лицѣ превеликая рана; но онъ объ ней вовсе не помышлялъ.

Меня подняли на ноги; но я не могъ ни пѣшъ итти, ни на лошади верьхомъ ѣхать. Прочь, закричалъ Греберъ, и оттолкнулъ всѣхъ. Господина Ротмистра на спинѣ у себя должно нѣсть до ближней деревни, и тотчасъ схватя возложилъ меня на себя и понесъ. Дорогою хотѣли

было

было его перемѣнить, и всякой желалъ несть меня, но онъ всѣхъ прочь отогналъ.

Я чувствовалъ отъ ранъ моихъ превеликую боль: но воззрѣнiе на эскадронъ свой было для меня еще прискорбнѣе. Я потерялъ 37 человѣкъ добрыхъ воиновъ, которые всѣ были столькожъ мужественны и храбры, какъ и оставшiе въ живыхъ. Изъ сихъ послѣднихъ большая часть была израненыхъ, а нѣкоторые и весьма тяжко. Любезной Вильгельмъ! твой милой Гусаръ плакалъ о томъ, какъ *отецъ, лишившейся* сыновей своихъ. Никогда не позабуду я сего кроваваго дня, и всякой разъ, какъ ни поглянусь въ зеркало, напоминаю я оной.

Мы пришли въ деревню. Далѣе не можно было меня никакъ несть. Силы мои ослабли совершенно, а боль отъ ранъ, полученныхъ мною на головѣ и на груди, была нестерпимая. Отсюда отправилъ я людей моихъ къ армiи: но какого труда стоило мнѣ убѣдить ихъ къ тому, чтобъ они поѣхали! —— Непрiятели повсюду кругомъ разъѣжжаютъ. Васъ возмутъ во полонъ и мы васъ лишимся. Дозвольте намъ здѣсь оста-

остаться. Покуда не помремъ всѣ до единаго, до тѣхъ поръ не бывать непрiятелю въ сей хижинѣ. —— Симъ образомъ говорили они всѣ единогласно. Но я на то нимало не смотрѣлъ и они должны были поѣхать прочь. Однако старика Гребера не въ состоянiи было ничто въ свѣтѣ отлучить отъ меня. Естьли я васъ оставлю, Господинъ Ротмистръ, вопiялъ онъ съ пылающимъ взоромъ и хватая рукою за саблю: то оставь меня Богъ нынѣ и вовѣки.

Греберу теперь, любезной Вильгельмъ, почти восемьдесятъ лѣтъ, Представь себѣ, каковымъ надобно сему честному и храброму старику быть, когда былъ онъ гораздо моложе. И Губерта можно почесть изряднымъ старымъ воиномъ и такимъ, каковыхъ не много найти можно: но съ Греберомъ сравнить его никакъ не льзя. Сила была у него исполинская, и противъ сабли его не могло ничто устоять. Я видѣлъ самъ однажды, что непрiятельскому Гусару голову онъ до самой бороды разнесъ: а голова была у того, какъ у Голiафа.

Въ послѣдующей день прислалъ ко мнѣ добродушной Маіоръ Левенъ-Герцъ (чрезъ три дни послѣ того сего честнаго человѣка застрѣлили) —— свой экипажъ, и меня отвезли въ Фрейбергъ.

Вотъ принесли ордеръ отъ Генерала. —— Окончимъ же симъ письмо сіе: къ томужъ и пакетъ ужъ съ лишкомъ увеличится. Когда-то я назадъ буду. —— Я буду писать къ тебѣ опять скоро, и напишу болѣе, мнѣ здѣсь досужно: а ты знаешь, что я писать люблю, а всего паче къ тебѣ. Генріетта обходится со мною такъ просто, и такъ повѣренно, какъ бы дочь моя была. Часто гладитъ мои усы, играетъ кудрями, и прижимаетъ прекрасныя губенки свои къ моимъ губамъ. Небесная дѣвчонка! щастливой Вернеръ! прости, и будь благополученъ любезной Вильгельмъ.

16.

Генріетта Герстенфельдъ къ Карлу Вернеру.

Ну вотъ! опять его ужѐ нѣтъ! любезной Карлъ, опять уѣхалъ къ Генералу. Что за Генералъ такой, я зла

ажно на него, что онЪ призываетЪ его кЪ себѣ такЪ часто. Правда, говорятЪ, что и онЪ мужЪ великой и всякой чести достойной, и изЪ ГероевЪ Герой: но все таки можнобЪ ему оставить мнѣ моего Фолкмара. АхЪ! скоро онЪ у меня его и совсѣмЪ отниметЪ. Ну когдабЪ мирЪ у насЪ былЪ! любезной КарлЪ; батюшка говоритЪ, что Король нашЪ его охотно желаетЪ. ФолькмарЪ говоритЪ тоже. О когда бы и Цесарь его также восхотѣлЪ! покуда бы жива была, до тѣхЪ бы порЪ, хотябЪ не таково, любила бы я его, и была ему доброхотна, какЪ кЪ Королю нашему Фридриху любезному: однако все таки доброхотна. И какЪ рѣчь теперь о доброхотствѣ идетЪ КарлЪ, то скажу тебѣ, что есть много людей на свѣтѣ, которымЪ я преимущественно предЪ другими отЪ всего моего сердца добра желаю, и коихЪ искренно люблю. ПервымЪ полагаю я Короля, ибо онЪ знаменитѣе всѣхЪ прочихЪ. За нимЪ слѣдуетЪ ФолкмарЪ, и я не виновата тому, что такЪ ужѐ слѣдуетЪ. Послѣ его батюшка, тамЪ матушка, за нею любезная моя Люиза ВалманЪ изЪ Б***: и еще кой

кто.

кто. Ты же не принадлежишь къ числу этому. Я истинно не знаю, за чтобъ такое быть мнѣ къ тебѣ доброю. Пожалуй себѣ, пожалуй не будь и самъ ко мнѣ добръ, и Амтманской сынъ Фрицъ изрядной дѣтина. Я не имѣю къ нему ни малаго отвращенія, и не думаю, чтобъ и онъ ко мнѣ имѣлъ. Я буду.. ..... ну! зашумѣлъ! какъ буря сквозь вѣтви древесныя. Но шъ... шъ... любезной Карлъ, пустое это все, и все ложь.

А! а! Карлъ, вотъ это за то тебѣ, что ты намнясь Амтманову Вильгеминку цѣловалъ! ну, ну, добро помиримся! я не взыскиваю того, вить и я цѣлуюжъ Фолкмара. —— Ко всѣмъ, кого я называла, я только доброхотна: тебя же Карлъ я люблю, и столь много и горячо люблю, какъ болѣе любить не могу.

Нынѣ и къ Губерту сдѣлалась я опять доброю. Старой сей имѣетъ сердце прямо доброе, онъ подлинно таковъ честенъ, каковымъ съ виду кажется, и отнюдь не глупъ. Карлъ, молчи, я перескажу тебѣ одинъ разговоръ, которой мнѣ вчера въ людской

 нашей

нашей избѣ удалось самой слышать. Мнѣ надобность была тамъ быть для нѣкоего дѣла. Губертъ сидѣлъ, накуривалъ свою трубку и расказывалъ мнѣ и то и сіо. Вдругъ пришелъ къ нему гость, нѣкто изъ Гусаръ тогожъ эскадрона, человѣкъ молодой и прямо залетной. Онъ говоритъ, что Маіоръ не давно только его къ себѣ принялъ, и что въ маломъ этомъ есть путь. Фолькмаръ его очень любитъ. —— Здравствуйте господинъ Губертъ!

Губертъ. Здорова Блицеръ, что скажешь?

Блицеръ. Ничего: а хотѣлось только побывать у васъ и поговорить не много.

Губертъ. Хорошо, этому я радъ. Пошелъ садись подлѣ меня вотъ здѣсь. Боярынька-та не прогнѣвается на насъ. Ну! какъ поживаешь, хорошоль тебѣ?

Блицеръ. Не льзя сказать, чтобъ съ лишкомъ худо, но колибъ только не стоять-то бы намъ здѣсь безъ дѣла, а итти скорѣе.

Губертъ. Безъ дѣла, какъ да развѣ мы не экзерцируемся почти всякой день!

Блицерь. Это такъ! но хорошо когдабъ до непріятеля-та мы дошлибъ и съ нимъ-то поэкзерцировались.

Губертъ. Да развѣ тебѣ хочется скорѣе до непріятеля дойти!

Блицерь. Конечно, господинъ Губертъ! по мнѣ хоть бы севодни еще изъ квартиръ. Изъ стоянья на одномъ мѣстѣ ничего не выдетъ.

Губертъ. Браво! Блицеръ, это люблю я слышать; какъ останешся такимъ, такъ будешь малой бравой.

Блицерь Какъ остануся такимъ? нѣтъ господинъ Губертъ, этова я не сдѣлаю, теперь я еще ничто, ученичишка, а хочу я быть такимъ, какъ вы, и каковы другіе ваши старые сотоварищи въ эскадронѣ; и тогда-то буду я малой бравой.

Губертъ. Хорошо это, ладно Блицеръ! предпріятіе твое изрядное, произведи только въ дѣйство. Но слушайка братъ: ты веселъ и проворенъ, это ладно, пожалуй себѣ будь такимъ, но не будь только негодяемъ, не евались въ шалости. Маіоръ очень строгъ, терпѣть этова не можетъ.

Блицеръ. Нѣтъ, нѣтъ, этому не бывать, и Маіоръ будетъ ужъ мною доволенъ; но гдѣ онъ?

Губертъ. У Генерала въ Б***.

Блицеръ. Ну! колибъ привезъ онъ съ собою ордеръ о выступленіи въ походъ.

Губертъ. Видѣлъ ли ты ужъ Цесарскихъ Гусаръ.

Блицеръ. Гдѣжъ мнѣ ихъ видѣть. Я въ первой только разъ иду въ поле. —— Каковы они? бравы ли гораздо?

Губертъ. Конечно: это доказали они намъ довольно въ прежнюю войну.

Блицеръ. Ну! это ладно: а то съ трусливыми негодяями нѣтъ у меня охоты рубиться: ни малой то не приноситъ чести. По мнѣ хоть бы седодни еще въ поле и пылить съ саблями на нихъ.

Губертъ. Не таково скоро Блицеръ, имѣй терпѣніе, будетъ еще время; но не будетъ ли у тебя подъ лѣвою мышкою нѣчто биться, какъ ты ихъ увидишь.

Блицеръ. У меня, что ты? — это былабъ трусость.

Губертъ. Ну, ну, а это будетъ братъ! съ начала и со мной было тожъ. Теперь я мужикъ старой и къ огню ужъ привыкъ. Въ прежнюю войну задавали они намъ такой паръ, что мы сабли и въ ножны почти не вкладывали: а нынѣ тожъ будетъ.

Блицеръ. Я радуюсь тому. Но когдабъ выросли только усы поскорѣе, а то дурно безъ нихъ, не хочется и въ зеркало смотрѣться.

Губертъ. Усы ничего не значатъ: они выростутъ пожалуй и у тебя. Но послушай Блицеръ, для добраго Прускаго Гусара требуется множайшаго, и того еще не довольно, чтобъ быть смѣлу и имѣть большіе усы.

Блицеръ. Чтожъ такое еще надобно, пожалуй же раскажи мнѣ господинъ Губертъ.

Губертъ. Изволь мой другъ! съ охотою раскажу: тебѣ надобно многое кое что примѣтить. Однако все это не трудно, когда только самъ похочешь. Слушай, я дамъ тебѣ нѣкоторыя наставленія, и тебѣ добро будетъ когда ты ихъ исполнишь.

— Ну, вообрази себѣ Карлъ теперь стараго Губерта съ важнымъ и почтеннымъ его лицемъ и громкимъ и толстымъ голосомъ, и ученика его предъ нимъ стоящаго въ безмолвіи и внятнѣйшимъ образомъ слушающаго.

Губертъ. Въ гусарской службѣ за главное дѣло почитается добрая лошадь. Пекись всегда объ ней, и какъ можно пекись, чтобъ твоя была добра. Естьли она плоха, такъ и вся храбрость твоя ни къ чему. Далѣе: отнюдь не напивайся пьянъ. Маіоръ терпѣть сего не можетъ; напьешся когда разъ, худо, а напьешся другой, онъ изъ эскадрона тебя выгонитъ. — Когда войдешь ты въ непріятельскую землю, то помышляй о томъ, что ты Гусаръ Пруской. Не будь разбойникомъ: бѣднаго поселянина не долженъ ты угнѣтать. Онъ не сдѣлалъ тебѣ ничего: и безчестное дѣло, худо поступать съ тѣмъ, кто не дерзаетъ обороняться; у Фолькмара нашего благородное и честное сердце, онъ терпѣть того не можетъ.

Блицеръ. И я не стану того дѣлать; но грабить можно ли?

Губертъ.

Губертъ. Ежели ты только для того храбръ, чтобъ тебѣ послѣ можно было грабить и расхищать, то ты худой Пруской Гусаръ. Однако можно тебѣ и грабить; а вотъ какъ, слушай: Когда ты врубился, побѣдилъ и взялъ въ полонъ, тогда принадлежитъ тебѣ все что уплѣннаго есть, и ты можешь все отнять; однако естьли хочешь добрымъ человѣкомъ быть, то не бери никогда всего: тебѣ надобно великодушну быть. Въ прежнюю войну взялъ я однажды одного Австрійца въ полонъ. —— Подавай, что у тебя есть? —— Вотъ оно. —— Онъ подалъ мнѣ кошелекъ набитой деньгами —— Все ли это? нѣтъ ли еще чево? —— Все. —— Всего у тебя не возьму. На! —— я далъ ему цѣлую горсть денегъ. Онъ поглядѣлъ на меня —— Всѣ ли Пруские Гусары такъ благонравны? — Всѣ. Король мыслитъ благородно: Офицеры наши также, и мы также. Пруская служба требуетъ того. Мы не изъ найма одного служимъ, а для пріобрѣтенія чести и славы. —— Слушай камарадъ, естьли Ротмистръ твой поволитъ, такъ севодниже ты отдай саблю мою мнѣ назадъ

 задъ

задѣ. Я принимаю вашу службу. —— Мой Ротмистрѣ не всякаго принимаетѣ кто идетѣ. Недостатка вѣ людяхѣ у насѣ нѣтѣ; но онѣ не можетѣ никого вѣ эскадронѣ своемѣ терпѣть кто не храбрѣ. —— Чевожѣ кѣ чорту! камрадѣ, а обо мнѣ и спрашивать нечего. Вотѣ смотри: здѣсь одинѣ, вотѣ тутѣ другой, вотѣ тутѣ третей, тамѣ подѣ шубою еще много, рубцы то-сіи не за печью я нажилѣ —— Коротко, Маіорѣ принялѣ его вѣ службу.

Блицерѣ. И онѣ храбрѣ былѣ?

Губертѣ. Конечно! и нехуже никого вѣ эскадронѣ. —— При Торгавѣ срубилѣ у меня его одинѣ Венгерецѣ подлѣ самого меня; но я отправилѣ же и самого его вѣ слѣдѣ за нимѣ.

Блицерѣ. На! господинѣ Губертѣ, моя рука, я сдѣлаю все, что вы ни говорили.

Губертѣ. Изрядно! — и такѣ поступкою своею доставилѣ я Королю годнаго воина, а эскадронѣ снискалѣ украшеніе. Ну, слушай далѣе. Когда ты гонишся и бѣгущей кричитѣ пардонѣ, давай ему. Когда человѣкѣ онѣ годной, такѣ достоинѣ сохраненѣ быть живымѣ, ко-

когдажЪ негодяй, такЪ не вредитЪ намЪ. И такой не достоинЪ умереть отЪ сабли храбраго Гусара. БезЪ нужды не долженЪ ты собою жертвовать; ты принадлежишь не самЪ себѣ. Королю вЪ тебѣ нужда, ты ему принадлежишь. Не дѣлай изЪ гусарской войны игрушки, сЪ плѣнными своими не поступай худо. Сабля твоя былабЪ всегда остра; сЪ товарищами своими живи согласно, они дерутся за тебя, а ты за нихЪ. Пекись о своихЪ друзьяхЪ, они тебя не оставятЪ и положутЪ животЪ за тебя; будь всегда хорошь и имѣй доброе сердце БлицерЪ. МаіорЪ твой имѣетЪ таковое, нашЪ милой и храброй ФолкмарЪ. — Теперь поди домой, и побывай у лошади своей, какЪ опять придешь, раскажу болѣе. —

Ну! какЪ ты думаешь теперь любезной КарлЪ, что выдетЪ изЪ ученика такова? Мнѣ кажется, что будетЪ онЪ такимЪ же ГубертомЪ. Когда Пруcкіе Гусары вcѣ такихЪ мыслей. ГубертЪ говоритЪ, что весь ФолькмарсвЪ эскадронЪ таковЪ — такЪ кто противЪ ихЪ устоитЪ. Однако ГубертЪ говоритЪ, что и Цесарскіе весьма муже-

жественны и храбры, и что это ему очень пріятно, а то бы не имѣлъ онъ охоты драться съ ними.

Смотри Карлъ, сколько я къ тебѣ намарала: но за то при будущемъ первомъ свиданіи долженъ ты меня разъ десять лишнихъ поцѣловать. Завтра ввечеру буду я ждать тебя.

17.

Карлъ Вернеръ къ Генріеттѣ Герстенфельдъ.

Я сдѣлаюсь Гусаромъ Генріетта, буди тебѣ сіе извѣстно и вѣдомо. Въ Фолькмаровъ эскадронъ запишусь я. Завтра ввечеру велю себя завербовать. Вить и я храбръ, и не меньше храбръ, какъ другіе, и также могу врубаться. — Знаешь ли, что вселило въ меня гусарскія мысли. Фолькмаровъ разговоръ съ Порутчикомъ, Корнетомъ и молодымъ дворянчикомъ не давно за столомъ. Прахъ побѣри, Генріетта, все, что онъ ни говорилъ врубалось въ тебя какъ сабля, какже Корнетъ то и дворянинъ слушали. А я? да! Генріетта, со мною было такъ — ахъ! самъ не знаю какъ сказать, что со мною тогда

гда

гла было. Грудь у меня вздымалась, сердце у меня росло и трепетало. Во всю ночь напролетъ врубался я во снѣ; а тутъ принесло тебя еще съ Губертовымъ разговоромъ. Прахъ побери, Генріетта! какія это мысли у стараго хрена! — завтражъ получитъ онъ отъ меня два албертсталера и четыре картуза табаку. Сверьхъ того поцѣлую еще.

И такъ Гусаръ, Генріетта, ты что хочешь говори, а я Гусаръ! но кудажъ тебя-то мнѣ дѣвать? —— съ собою. —— Нѣтъ! ты не умѣешь врубаться, у тебяжъ никогда и усы не выростутъ. Оставайся ты у отца Улриха; но прежде нежели совершится, будешь ты моею женою. Винтеръ квартера моя будетъ у тебя. —— Еще могу вить дослужиться и до Ротмистровъ, и тогда Генріетта, госпожа Ротмистрша! не хорошо ли милая Генріетушка! —— завтра ввечеру буду у васъ.

18.

Генріетта Герстенфельдъ къ Карлу Вернеру.

Благородный и Высокопочтенный Господинъ Ротмистръ.

Я сдѣлаюсь Гусаромъ, Господинъ Ротмистръ, извольте быть о томъ извѣстны и свѣдомы. Въ Фолькмаровъ эскадронъ запишусь я, и севодни ввечеру велю себя завербовать. Вить и я также храбра: также храбра, какъ вы, и врубаться и я умѣю. Усовъ у меня хотя нѣтъ, и не имѣю хотя надежды имѣть ихъ, но усы ничего не значатъ, говорилъ Губертъ Блицеру.

И такъ Гусаръ я Господинъ Ротмистръ, и чтобы вы ни соизволили, говоритъ Гусаръ. До Ротмистровъ дослужусь и я, а тамъ постепенно еще и далѣе, и не успѣю оглянуться, какъ и цѣлымъ полкомъ командовать буду.

Какже, такъ Гусаромъ, ужѐ ты Карлъ? ха! ха! ха! и хочешь врубаться! но во чтобы такое? да! въ жареную телятину на столѣ. —— Но молчи Карлъ, попрошу Фолькмара, чтобъ велѣлъ сдѣлать тебѣ прекрасную гусар-

скую шубку. И все, чтобЪ было погусарски: но вензеля-та сЪ именемЪ королевскимЪ на сумѣ у тебя не будетЪ; а вмѣсто онаго вилки да ножЪ кресть на кресть нашитыя; прахЪ побѣри! КарлЪ, что будешь за ГусарЪ.

Глупушка! глупушка! глупушка! тебѣ ли быть ГусаромЪ! ФолькмарЪ не вербуетЪ ГусарЪ для штата. Не слыхалЪ ли ты, что ГубертЪ говоритЪ, не всякаго де онЪ принимаетЪ кто хочетЪ. А ты можешь ли сударь сказать! вотЪ здѣсь *одинЪ*, тамЪ другой, вотЪ третей, а тамЪ подЪ шубкою еще множество. Ну! чтожЪ ты-то скажешь.

Приходи-ка ввечеру сюда, а то ужè я приведу вЪ порядокЪ гусарскую твою голову. Губерту пожалуй себѣ дай два талера и тобакЪ. Добра ему я отЪ всего сердца желаю. Но о деньгахЪ-то КарлЪ вопросЪ еще. ПриметЪ ли онЪ ихЪ, старикЪ этотЪ мыслитЪ увышенно. Я есмь

Высокопочтенный ГосподинЪ РотмистрЪ
ваша
Нѣжная Госпожа Ротмистрша.

P. S. Я получила севодни письмо отЪ любезной моей *Люизы Валманши*, у которой

торой жила я въ Б. . . . . въ пансіонѣ. Она пишетъ, что пріѣдетъ къ намъ въ гости на сихъ дняхъ. Ахъ Карлъ, то-то бы надобно тебѣ узнать сію искреннюю пріятельницу мою. Вотъ женщина! таковою-то хотѣлося бы мнѣ быть, чтобъ могла я быть тебя любезной другъ достойною. Когдабъ только не такъ много она печалилась, и не такъ часто проливала слезы; никогда, и никакъ не хотѣла она мнѣ открыть того, о чемъ груститъ и сокрушается ея доброе и милое сердце. Фолькмаръ безсомнѣнно получитъ къ ней почтеніе. Ибо онъ почитаетъ всѣхъ у кого сердца добрыя: а у моей Валманши конечно таковое.

19.

Люиза Валманша къ Генріеттѣ Герстенфельдъ.

Дражайшая пріятельница!

Ваше послѣднее письмо причинило мнѣ столько радости, сколько могло только ощущать сердце мое, осужденное ко всегдашнему страданію. Хорошо, моя дорогая! я пріѣду. Притяженіе сердца моего

моего сердца къ вамъ съ лишкомъ сильно, съ лишкомъ велико, и я не могу далѣе противиться оному. А есть мнѣ теперь и время. Ученицы мои отъ части больны, а которыя здоровы, тѣ въ уѣздѣ. Послѣ завтра ввечеру отправлюсь я отсюда съ надежными ѣздоками, и около полудня во вторникъ буду у васъ. Ахъ дражайшая! какъ стремится къ вамъ мое сердце; сіе вамъ совсѣмъ преданное и вами преисполненное сердце. Какое восхищеніе имѣть я буду обнимая васъ, моя дорогая; какія сладкія ощущенія любви и дружества! О когдабъ не разлучились мы ужè никогда впредь съ вами! Когдабъ могли жить вмѣстѣ и дѣлить блаженное время! Для печальнаго моего сердца былобъ то наисладчайшимъ утѣшеніемъ, и лучшею отрадою. О! такъ ли вы меня любите, неоцѣненная дѣвица! такъ ли мнѣ вѣрны и горячи ко мнѣ, и такъ ли вамъ меня видѣть хочется, какъ мнѣ васъ? То ли ощущаете вы ко мнѣ, что чувствую я, когда мы вмѣстѣ! ахъ я не могу назвать и изобразить того. Вы къ благополучію моему необходимо надобны. Какое блажен-

ство было въ тѣ три года, въ которыя видѣла я васъ ежедневно; почто не самая вѣчность то была?

И такъ въ полдни во вторникъ; о коль желаетъ душа моя сея минуты! Батюшкѣ вашему отъ меня усердное почтеніе, а милую и любезную старушку, госпожу Улриху, прошу поцѣловать за меня и поклониться. ——

20.

Генріетта Герстенфельдъ къ Люизѣ Вальманшѣ.

Вы будете! ахъ любезная пріятельница! какъ прыгаетъ сердце мое отъ радости при семъ словѣ. Какъ стремится оно на встрѣчу къ вамъ мать а не учительница, дорогая, милая неоцѣненная и любезная. Какъ готовится перепрыгнуть оно въ нѣжную и любящую меня грудь вашу и тамъ пребыть и остаться. Дни пребыванія вашего здѣсь будутъ днями радости и торжества для меня! я продлю ихъ, колико мнѣ только возможно будетъ. Вы спрашиваете, такъ ли я васъ люблю? такъ ли вѣрно и нѣжно васъ люблю,

блю, какъ вы меня? Боже мой! можетель сумнѣваться! я люблю васъ такъ нѣжно, такъ вѣрно: какъ — нѣтъ не могу никакъ выразить.

И такъ во вторникъ около полудня: о! наступай скорѣе любезной вторникъ: ступай и влеки сердце мое на срѣтеніе моей любезной! сіе волнующееся и біющееся отъ радости сердце, я возвѣщаю вамъ неоцѣненная пріятельница, что найдете здѣсь прямо пріятное общество, прямо нескучное, словомъ, общество прямо по такому сердцу, которое имѣетъ столь нѣжныя чувствія, какія имѣетъ сердце дорогой Вальманши. У насъ постой; стоитъ одинъ Маіоръ гусарской; о драгоцѣнная пріятельница, что это за человѣкъ. Естьлибъ и хотѣла я все то объ немъ пересказать, что пересказать охотнобъ желала, но не могу, и всего того будетъ не довольно. Онъ все будетъ превосходить похвалы мои. Пріѣжжай дорогая, и сама посмотри! вы вѣрно обрадуетесь знакомству съ нимъ: ахъ дорогая Вальманъ, у васъ и у Маіора небесныя души. Объ закладъ бьюсь, что между

ими согласіе совершенное. Прости и будь благополучна моя неоцѣненная.

21.

Леопольдъ Фолкмаръ къ Вильгельму Визенау.

Ну! вотъ теперь опять я, любезной Вильгельмъ въ своей, квартирѣ и съ милыми моими друзьями. Но скоро, скоро всѣмъ радостямъ моимъ и конецъ будетъ. Скоро скажутъ: ступай! ступай! я получилъ повелѣніе быть всякой часъ въ готовности къ походу. И я готовъ. А готовы совсѣмъ и усастыя мои ребяты, о! посмотрѣлъ бы ты, какъ старые усачи оправляли свои усы и гладили ихъ рукою, то въ ту, то въ другую сторону, въ то время, когда я имъ походъ возвѣстилъ: молодымъ же, у которыхъ еще ихъ не было, надобно было также что нибудь дѣлать; иной изъ нихъ потряхалъ и пограмыхивалъ саблею, другой нахлупливалъ глубжѣ на глаза шапку, такъ какъ бы шолъ ужè онъ врубаться, а у всѣхъ радость блистала изъ очей, Они рвутся Вильгельмъ, рвутся и стремятся: — Я желаю любезному

му нашему и доброму Королю побѣды и всякаго щастія. Однако кровопролитно и прямо кровопролитно будетъ дѣло, мнѣ знакомы старыя ребяты, и я знаю, что они учинить въ состояніи. Боже сохрани намъ только нашего милаго старика! а то все будетъ исправно.

Но охотно ли я-то отсюда иду? туда-то! ахъ что говорить! признаться надобно, что нѣтъ. Генріетта, эта дѣвчонка, овладѣла всѣмъ тѣмъ, что называется Я. — Когдабъ можно было мнѣ ее съ собою взять! но за чѣмъ? для того развѣ, чтобъ еще разъ получить сердечную рану? Нѣтъ! нѣтъ! лучше десять ранъ отъ сабли и тѣлесныхъ, нежели одну въ сердце кинжаломъ и душевную!

Продолжать надобно мнѣ тебѣ мою горестную повѣсть! ну! вотъ, вотъ любезной Вильгельмъ, что происходило далѣе.

Въ послѣднемъ письмѣ остановился я на томъ, что меня отвезли въ Фрейбергъ. Произошло сіе съ неописаннымъ мученіемъ; меня привезли за мертво, и въ отчаяннѣйшемъ состояніи отдали

врачамъ въ руки. Греберъ не отходилъ отъ моей постели. О! сколько слезъ пролито обо мнѣ симъ добродушнымъ, симъ честнымъ старикомъ. Жестокая лихорадка, сдѣлавшаяся отъ ранъ, истощила мои силы. Я спалъ, почти не просыпаясь, но это былъ не столько сонъ, сколько безпамятство и обморокъ. Наконецъ думали, что я совсѣмъ отошелъ, и репортовали обо мнѣ, яко о умершемъ. Самой Ротмистръ Гнаденстернъ, мой лучшей и вѣрнѣйшій пріятель, которому всѣ мои таинства были свѣдомы, и которой лежалъ тутъ же отъ ранъ и Люизу мою зналъ, отписалъ къ ней о моей кончинѣ.

Ужѐ начали дѣлать всѣ пріуготовленія къ погребенію меня, какъ умершаго, и хотѣли ужѐ класть во гробъ: какъ вдругъ отходящей совсѣмъ почти ужѐ духъ въ меня возвратился. Небольшое движеніе дало имъ примѣтить, что я еще живъ и вопль заревевшаго отъ радости Гребера извлекъ меня изъ моего безпамятства, и я раскрылъ глаза. —— Было тогда равно, такъ какъ бы пробудился изъ долговременнаго и глубокаго сна: я могъ говорить, но го-

во-

ворить такъ, что едва слышать было можно. Но я не хочу задерживать тебя, любезной Вильгельмъ, повѣстію о долговременномъ и нескоромъ моемъ выздоровленіи; мало по малу началъ я оправляться, и тяжкія мои раны заживать.

Между тѣмъ полкъ Гнаденстерновъ отправился въ Саксонію, а изцѣлившись отъ ранъ своихъ поѣхалъ и самъ онъ тудажъ. Я поручилъ ему коммисію утѣшить дорогую мою Люизу и изустно увѣрить ее въ томъ, что я еще живъ и оправляюсь. — Письменножъ увѣдомлялъ онъ давно ужѐ ее о томъ, но не было нималѣйшаго отвѣта.

Ахъ! любезной Вильгельмъ! теперь доходитъ дѣло до страшнаго пункта времени, того времени, о которомъ не могу безъ ужаса и замиранія сердца своего тебѣ расказывать. Рана души моей растворяется! дозволь любезной Вильгельмъ на минуту остановиться и собраться съ духомъ и силами. Безъ того не въ состояніи я буду продолжать далѣе.

* * *

Ну теперь опять къ делу: однако освободи меня отъ подробнаго повѣствованія. На письма, писанныя Гнаденстерномъ къ Люизѣ не могъ получить я ни малѣйшаго отвѣта. Я не зналъ, что о томъ думать. Самъ Ротмистръ не писалъ ко мнѣ ни строчки. Греберъ долженъ былъ нѣсколько разъ писать къ нему и къ Люизѣ: ибо самому мнѣ учинить того было не можно. Рана бывшая у меня на груди не дозволяла мнѣ имѣть ни малѣйшаго движенія. Смущеніе и безпокойство мое умножалось съ каждымъ днемъ. Я охотно бы послалъ туда самого сего честнаго старика. Но отчасти собственныя его раны не совсѣмъ еще залечены были, а сверьхъ того едвалибъ и могъ я преклонить его къ тому, чтобъ онъ меня покинулъ. Онъ не отходилъ отъ кровати моей ни на шагъ, и всѣ лекарства принималъ я изъ его собственныхъ рукъ и онъ думалъ, что все будетъ не такъ, естьли что не самъ онъ сдѣлаетъ. Служители мои боялись болѣе его, нежели меня. Вся казна моя была у него въ рукахъ, и онъ распоряжалъ ею, какъ доброй хозяинъ. Боже

воз-

воздай сему честному старцу за сіе, и успокой сѣдины сего добродушнаго! безъ него милой твой Гусаръ, давно бы ужѐ въ прахъ обратился.

Наконецъ можно было ужѐ мнѣ приподнимашься и вставать съ моей постели. Однажды сидѣлъ я на креслахъ подлѣ своего столика; подлѣ меня на полу стояла Греберова шапка, а самъ онъ на минуту тогда вышелъ. Я примѣтилъ за два дни ужѐ до того великое въ немъ уныніе, то и дѣло устремлялъ онъ свои взоры на меня, а какъ глаза мои повстрѣчаются съ его, то опускалъ онъ свои въ землю, или отворачивалъ прочь... до того не бывало сего съ нимъ. При помянутомъ же случаѣ обратились ненарочно глаза мои на его шапку, и я примѣтилъ бумажку засунутую за край оной. Тогда захотѣлось мнѣ узнать, чтобъ за бумажка то была. Я прикликалъ слугу, велѣлъ ее вытащить и подать къ себѣ. Онъ подалъ: чтожъ нашелъ я въ ней написанное?

О Боже! что нашелъ я въ ней! какъ могу описать и изобразить тебѣ, что ощущалъ я въ сію минуту. По

смерть не позабуду содержанія письма сего. Каждое слово знаю я наизусть и каждое глубоко впечатлѣнно въ памяти моей. Вотъ какого содержанія оно было.

Ротмистръ Гнаденстернъ къ Гусарскому Унтеръ-Офицеру Греберу.

Милой дорогой старикъ!

Я возлагаю на тебя весьма трудную коммисію, которую исполняй какъ лучше умѣешь и какъ Богъ самаго тебя на разумъ наставитъ. Бѣдной Ротмистръ твой! бѣдной и нещастной Фолькмаръ! о какъ плакалъ я объ немъ. Ахъ! Греберъ! лучше бы тебѣ не замать его лежащаго при Фрейбергѣ. Онъ былъ бы уже мертвъ теперь и вмѣстѣ съ обожаемою своею Люизою. Бѣдной злощастной другъ! какое страданіе имѣть ты будешь. Но что помогутъ жалобы! и такъ къ дѣлу! знай Греберъ, что супруги Ротмистра твоего уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ. —— Давнобъ могъ я тебя увѣдомить о томъ, но я не хотѣлъ. Она.... о Боже! коль ужасно —— въ городкѣ Б*** сгорѣла: и вмѣстѣ съ дитятею сгорѣла. Я старался

рался наиточнѣйшимъ образомъ обо всемъ распровѣдать, но узнать только могъ одни общія обстоятельства. Непріятельская Гусарская партія учинила въ ночное время на местечко сіе нападеніе. Она разграбила оное, а въ самое то время оно загорѣлось и превратилось все въ пепелъ. О женщинѣжъ, о которой я спрашивалъ, сказывали мнѣ, что она сгорѣла тутъ же и что за день до того разрѣшилась отъ бремяни и родила дочь. Мнѣ показывали то мѣсто, гдѣ стоялъ сгорѣвшей домъ: и слезы мои оросили пепелъ онаго.

Я не знаю теперь, старикъ любезной, какъ ты скажешь о семъ бѣдному своему Ротмистру. Вѣдомость сія для него ужасна, и легко можетъ лишить его жизни, и потому надобно тебѣ сообщить ему ее искусно. Ежели по мнѣнію твоему сего учинить теперь еще не можно; то не сказывай ему ничего, покуда онъ совершенно оправится. Отпиши ко мнѣ, что ты сдѣлалъ, или сдѣлать думаешь: самъ я къ Ротмистру твоему писать никакъ не въ состояніи: пусть думаетъ онъ обо мнѣ что хочетъ. Будь пожалуй остороженъ

Гре-

Греберъ! и не погуби мнѣ сего милаго человѣка!

* * *

Я не знаю, Вильгельмъ, откуда взялось во мнѣ столько мужества и крѣпости, что я письмо сіе могъ прочесть съ начала до окончанія? Но не успѣлъ я оное чтеніемъ окончить, какъ голова моя повалилась на спинку крѣселъ а письмо осталось въ рукѣ какъ было. Не обморокъ то былъ, а нѣкая безчувственность, которая тогда меня поразила. Я не въ состояніи былъ плакать и ни единый вздохъ невыходилъ изъ груди моей; я сидѣлъ устремя взоръ свой непоколебимо къ окну, какъ истуканъ. Въ семъ состояніи нашелъ меня Греберъ. —— О Боже! возопилъ онъ, что сдѣлалось такое? —— Но не успѣлъ онъ увидѣть письма въ рукахъ моихъ, какъ поднялъ ужасной вопль, отскочилъ назадъ, и бѣдной! повалился самъ безъ чувствъ на полъ.

По мнѣ лежалъ бы онъ себѣ тогда сколько хотѣлъ. Ежелибъ весь домъ объятъ былъ пламенемъ, и все бы во кругъ меня тогда пылало и горѣло: но я конечно бы не всталъ, но остался бы

такъ

такъ какъ былъ сидящимъ, и сгорѣлъ бы, самъ о себѣ можетъ быть не вѣдая. Вошедшіе люди привели Гребера опять въ чувство; онъ бросился тогда на меня, вырвалъ изъ руки письмо, разорвалъ оное зубами въ малѣйшія клочки, ударилъ, что есть мочи, рукою себя въ лобъ и былъ какъ бѣшеной и сумасшедшей въ самомъ жесточайшемъ параксизмѣ.

Все сіе узналъ я ужѐ послѣ: ибо всего, что происходило тогда, не могъ я ни видѣть, ни слышать. Цѣлыхъ три дня находился я въ таковомъ безпамятствѣ и безчувствіи, и не прежде, какъ при концѣ третьяго дня очнулся я и испустилъ глубокой вздохъ. Мнѣ вообразилось тогда, что я проснулся изъ сна: благодарить Бога! Греберъ! возопилъ я, что былъ это сонъ только! однако сонъ этотъ былъ престрашной! но ахъ: что вижу я? ты плачешь! мой другъ! конечно это правда! —— О Боже! почто опамятовался я! почто опамятовался я! почто возвратились мои чувства?

Ты знаешь меня Вильгельмъ! и вѣдаешь, что не умѣю я пересказывать

жало-

жалостное и не могу терпѣть когда пересказываютъ и другіе: и такъ вообрази самъ себѣ достальное: а мнѣ дозволь на минуту отдохнуть и собраться съ духомъ.

* * *

Теперь только вышла отъ меня моя любезная дѣвица, она надобна была мнѣ очень Вильгельмъ! невинными своими ласками и болтаньемъ, возвратила она мнѣ мои силы и помогла собраться съ духомъ. Она приходила мнѣ сказывать, что будетъ къ ней скоро въ гости нѣкакая женщина, по прозвищу Вальманъ, у которой она цѣлые три года жила въ Б*** въ пансіонѣ. Женщинѣ сей надобно быть весьма хорошей, потому что Генріетта въ похвалахъ своихъ объ ней неизчерпаема, а что Генріетта хвалитъ, тому конечно надобно быть хорошему. —— Но я возвращусь теперь опять къ своему повѣствованію Вильгельмъ!

Для меня было тогда уже все потеряннымъ на свѣтѣ. Я былъ вдовецъ, пораженной горестью и родитель лишенный всѣхъ утѣхъ на свѣтѣ: а эскадронъ мой столь много претерпѣлъ,

пѣлъ, что и поправить оной не было почти надежды. Самъ же я былъ бѣдной изрубленной и разстрѣленной червь, не могущей и пресмыкаться по землѣ. И подлинно находился я тогда весьма въ печальномъ и ужасномъ положеніи. Горестное сіе извѣстіе произвело въ ранахъ моихъ страшное дѣйствіе. Онѣ пришли весьма въ хуждшее состояніе и я находился паки въ хладныхъ объятіяхъ смерти. Но чему не умирать, то остается живо. Искуство моего изящнаго врача, крѣпость моей натуры, а всего паче Божеское милосердіе помогло мнѣ еще разъ, и спасло меня отъ смерти.

Леченіе мое происходило медленно, однако наконецъ я выздоровѣлъ. Силы мои возвратились и собрались паки, какъ скоро могъ я ѣсть все то, что мнѣ хотѣлось. Греберъ, имѣлъ обо мнѣ такое попеченіе, какъ нѣжной любовникъ о своей любовницѣ, или что для него приличнѣе, какъ нѣжной отецъ о единородномъ своемъ и любезномъ сынѣ.

И такъ въ разсужденіи внѣшнихъ обстоятельствъ было тогда все опять

въ

въ порядкѣ, но во внутренности сердца моего не было покоя, а единая только буря и треволненіе. Я отправился къ полку. Какая радость для Гусаръ моихъ! двое изъ нихъ умерли только отъ ранъ, а прочіе всѣ вылѣчены. И такъ укомплектовать эскадронъ свой мнѣ трудовъ хотя не многихъ стоило, но такихъ Героевъ получить каковы были старые было мнѣ неможно. Правда были и новые люди довольно бравые и современемъ сдѣлались еще лучшими, однако Фолькмаровъ эскадронъ не былъ ужѐ прежнимъ славнымъ. —— Нынѣ только Вильгельмъ! вижу я его опять въ такомъ же состояніи: а сверьхъ того на случай естьли произойдетъ со мною опять такоеже нещастіе взяты мною надлежащія ужѐ мѣры.

Я поѣхалъ въ Силезію въ намѣреніи, распровѣдать обстоятельнѣе о претерпѣнномъ уронѣ. Я приближался съ стѣсненнымъ сердцемъ къ обиталищу моего тестя: но не нашелъ ужѐ онаго. Какой театръ опустошенія! какое зрѣлище ужасное! превеликая груда пепла, углей кирпичей и мусора означала то мѣсто, гдѣ стоялъ Амтманской домъ.

Сама-

Самаго добродушнаго старика не было уже болѣе. Старался нѣчто нужное извлечь изъ дома и спасти отъ огня, замешкался онъ слишкомъ долго, и перегорѣвшая матица упавъ на него убила а пламень охватилъ, такъ что не можно было извлечь и его тѣла. Какія извѣстія! Вильгельмъ! ахъ! ужасной Губертъ! какое разореніе произвѣла твоя проклятая алчность къ добычѣ! —— Прочія печальныя произшествія подтверждены мнѣ были всѣ и отъ слова до слова какъ писалъ о томъ Ротмистръ Гнаденстернъ къ Греберу.

Съ содроганіемъ душевнымъ оставилъ я сіи горестныя мѣста и положилъ впредь никогда самопроизвольно къ нимъ не приближаться. Я и не видалъ ихъ съ того времени: и почти принужденъ былъ нынѣ паки къ нимъ приближиться. Благодарю небо! что по крайней мѣрѣ привело оно меня къ такимъ добрымъ людямъ, и что между ими была Генріетта: дѣлающая мнѣ пребываніе здѣсь толь пріятнымъ

Ну! вотъ теперь исполнилъ я любезной Вильгельмъ все чего ты отъ меня требовалъ. Безъ сомнѣнія соболезновалъ

и тужилЪ ты обо мнѣ, вЪ то время когда жизнь моя была вЪ опасности. Но забудь теперь сіе! все миновало и прошло и пренесено благополучно. А предЪидущее предадимЪ во власть того кто все благо и премудро распоряжаетЪ. ОнЪ учинитЪ ужѐ все, что кЪ пользѣ моей почтетЪ нужнымЪ: а естьли паче чаянія война меня похититЪ: такЪ обовсемЪ распоряженіе мною ужѐ сдѣлано.

О мирѣ хотя и теперь еще трудятся но я имѣю достовѣрныя извѣстія, что сЪ обоихЪ сторонЪ еще такЪ удалены отЪ онаго, что и вѣроятія нѣтЪ, чтобЪ могЪ онЪ скоро воспослѣдовать

Сего дня былЪ опять у насЪ Король. Я не могу изобразить тебѣ того удовольствія сЪ которымЪ я взиралЪ на него. ЦвѣтЪ лица его такЪ свѣжь: и видЪ столь мужественЪ и бодрЪ, что лучше желать не можно. Всевышній сохрани его здрава и соблюди для насЪ сего добраго и любезнаго отца на долгое еще время. ПодЪ его предводительствомЪ мы непобѣдимы. Тако говорили вЪ слухЪ и кричали почти всѣ мои гусары. ТакЪ! любезные воины.

Того же самаго и я желаю и того желаетъ усердно и каждый истинный сынъ отечества: аминь! вопіялъ на сіе отецъ Ульрихъ, т. е. воистинну такъ и сіе да совершится.

Естьли скорое выступленіе отсюда не захватитъ и мнѣ не воспрепятствуетъ, то отпишу къ тебѣ еще разъ изъ здѣшняго мѣста: потому, что какъ мы войдемъ ужѐ въ дѣло, то можетъ быть ни случая ни время къ тому не будетъ. Всевышній да сохранитъ тебя любезной Вильгельмъ жива и здорова: сего желаетъ тебѣ твой другъ, равно какъ и того чтобъ ты былъ веселъ.

22.

Генріетта Герстенфельдъ къ Карлу Вернеру.

Ну! щастливъ ты, что не сказалъ вчера нашему Маіору о странной твоей затѣе, а того болѣе щастливъ, что оставилъ совсѣмъ сумазбродное намѣреніе свое въ гусары записаться. Не хочу я отнюдь имѣть мужемъ у себя гусара, не хочу, хотя бы въ самомъ дѣлѣ могла быть Ротмистршею. Для меня

ня несносно страшное ихъ рубленіе, и ты не говори мнѣ болѣе о томъ ниединаго слова.

Между тѣмъ было бы тебѣ извѣстно, что я Маіору нашему ужѐ сказывала, что одинъ рекрутъ былъ къ нему въ дорогѣ. Онъ погладилъ свои усы, и усмѣхнулся съ такою неподражаемою пріятностію, съ какою обыкновенно Фолкмаръ усмѣхается всегда. Но слушай, что онъ сказалъ на то. — Я не думаю, чтобъ вы это вправду говорили моя красавица, а конечно только шутите. Не всѣмъ намъ солдатами, и не всѣмъ гусарами быть. Королю нужны также и добрые и полезные мѣщанѣ, прилежные земледѣльцы, и умные арендаторы. А сверьхъ того Вернеръ и не сдѣланъ таковымъ, чтобъ ему гусаромъ быть. Для гусарской службы потребно не только крѣпкое и здоровое сложеніе тѣла, но надобно, чтобъ мы могли постоянно переносить голодъ, жажду и всѣ возможныя безпокойствы.

Ну! вотъ тебѣ! слушай! и не прогнѣвайся пожалуй. Фолкмаръ не хочетъ тебя, а хочу тебя я, и хочу такимъ

каковымъ ты теперь, безъ усовъ безъ сабли и безъ пистолетъ.

Севодни слышала я опять прекрасной разговоръ у Губерта съ однимъ изъ Фолкмаровыхъ денщиковъ. Какую же благородную спѣсь имѣетъ сей старой хрычь, и послушай какихъ онъ о себѣ яко о Прускомъ гусарѣ мыслей, этотъ хлапъ крѣстовой.

Денщикъ. Ну! что слышно, господинъ Губертъ, скоро ли пойдемъ мы отсюда въ маршъ?

Губертъ. Мы скоро: однако не ты.

Денщикъ. Не я? — какже это такъ, господинъ Губертъ?

Губертъ. Пойдемъ въ походъ и маршировать будемъ мы, а не ты, а ты поведешь лошадей за твоимъ господиномъ.

Денщикъ. Такъ вѣдь поѣду же я верхомъ, также какъ и вы.

Губертъ. Такъ, это правда! однако ты поѣдешь да позади, такъ какъ должно.

Денщикъ. Я надѣюсь, мы дойдемъ скоро до непріятеля.

Губертъ. Мы дойдемъ. Но ты-то что, тебѣ какое дѣло до непріятеля.

Денщикъ, Какъ же! вѣдь и я принадлежу къ шквадрону.

Губертъ. Къ шквадрону? ха! ха! ха! слыхано ли, чтобъ гдѣ нибудь шквадронъ былъ изъ погонщиковъ? къ дьяволамъ ты а не къ шквадрону принадлежишь. Дождись-ка напередъ, когда такой сдѣлаютъ: а о непріятелѣ отнюдь ты мой другъ не упоминай, куда мы идемъ тамъ для тебя нѣтъ никакова дѣла: смотри-ка ты хорошенько за лошадьми твоего браваго господина, а впрочемъ ѣшь да пей, когда у тебя что есть.

Денщикъ. Куда же какъ вы презрительно можете съ человѣкомъ поступать, вѣдь и я могъ бы также быть гусаромъ и врубаться.

Губертъ. Да! за столомъ: когда будешь ты ходить въ гусарскомъ платьѣ, а болѣе ничего не имѣть кромѣ одного мундира, то будешь ты только негодяй въ шубкѣ, но негодяемъ можешь ты съ множайшею честію, или съ меньшимъ безчестіемъ быть въ твоей ливрѣе.

врѣе. Сабля есть орудіе почтенное, а ты голубчикъ оставайся-ка съ тѣмъ, которое сработалъ седѣльникъ.

Денщикъ. Вы ужѐ ни во что ставите человѣка.

Губертъ. Нимало, а я почитаю тебя изряднымъ денщикомъ: а такимъ ты и впредь будь. Не причисляй себя только къ шквадрону и не говори о непріятелѣ. У рыжева мерина спина была набита, зажила ли она?

Денщикъ Все исправно, а гнедые оба ужасно какъ отъѣлись; но никоторой изъ нихъ не можетъ сравниться съ Татариномъ, если этотъ подо мною будетъ, то не захватитъ меня ни одинъ Австрійской гусаръ.

Губертъ. Опять за тожъ! да тебя и не желаетъ ни одинъ и захватывать. Въ твоей братьи недостатка имъ нѣтъ; а естьли надобенъ ему будетъ такъ Татаринъ а не ты, и возметъ онъ Татарина, для того, что онъ можетъ употребить его въ пользу и на немъ ѣздить: а тебя онъ опять пуститъ.

Денщикъ. Какъ бы не такъ! вотъ тотчасъ я и дамъ ему его взять.

Губертъ. Ты? а чтожъ бы ты сдѣлалъ?

Денщикъ. Да развѣ у меня нѣтъ пары пистолетъ въ олстрахъ!

Губертъ. Такъ они у тебя есть? тфу какая пропасть, да! да! этова я не зналъ. Однако добро! добро! Михайла: Богъ помилуетъ и сохранитъ тебя отъ сего страха. Молись-ка ты ему и проси его о томъ въ каждой день по утрамъ, и по вечерамъ, какъ станешь вставать и спать ложиться. Пистолеты зарядилъ ты однажды и навсегда, и такъ трудъ сей въ другой разъ предпринимать тебѣ не для чего, а острика ты почаще свои шпоры, а то жаль будетъ лошади, на которой ты будешь, естьли у тебя ея отгонятъ. Господину твоему отъ того будетъ убытокъ.

Денщикъ. О! пожалуй! . . . —

Губертъ. — Не пожалуй а слушайка. Лошади вонъ въ конюшнѣ стоятъ не смирно и бьются, пошелъ-ка ихъ усмири.

Ну! Карлъ! неправда ли! не высокаго ли Губертъ о себѣ мнѣнія? но не всѣ ли ужè гусары таковыхъ мыслей.

Съ

съ денщикомъ не хотѣлъ онъ отнюдь говорить о войнѣ, а когда придутъ товарищи его гусары, такъ съ ними онъ объ ней, какъ рѣка льется. А кажется впрочемъ онъ нимало не своенравенъ, а и неспѣсивъ также, ибо съ крестьянами нашими обходится онъ, какъ съ братьями родными.

Ахъ любезной Карлъ! какъ страшусь я того дня, когда мы сихъ милыхъ людей лишимся! —— милаго и любезнаго нашего Фолькмара желалабъ я навсегда у себя удержать. —— Ахъ! какъ стану я плакать, и какъ неописанно горѣвать объ немъ, о семъ нашемъ отцѣ Карлъ! скоро сдѣлаемся мы сиротами! не могу никакъ писать болѣе. —— Не видишь ли большаго круглаго пятна на бумагѣ? —— это капли изъ сердца моего.

Послѣ завтрева въ полдни моя Валманша, она единое только еще утѣшеніе, севодни же въ вечеру ты.

23

Карлъ Вернеръ къ Генріеттѣ Герстенфельдъ.

Ну! пускай хоть и такъ! Генріетта: когда Фолькмаръ меня не хочетъ, такъ останусь и при тебѣ. Въ командѣжъ у другова и безъ того служить я не желаю. А естьли разсмотреть! то съ Гусарскою службою не то-то въ самомъ дѣлѣ што ладно. Какъ саблею-та чесанутъ! прахъ побери! по кожѣ деретъ. Хоть бы ужѐ разсматривали они гдѣ рубятъ! въ семъ случаѣ можнобъ иногда, то или другое мѣсто пощадить. Но вѣдаютъ ли они, что о пощадѣ! — Съ цѣлою кожею спится, думаю я лучше, а и съ голодомъ то и жаждою, и терпѣніемъ всякою нуждою и безпокойствомъ не охотно бы хотѣлось имѣть мнѣ дѣло. Съ самымъ Ротмистрскимъ чиномъ легко случится можетъ неудача. У Фолькмара въ Эскадронѣ есть старые и сѣдые усачи, а совсѣмъ тѣмъ они еще рядовые. Самой нашъ бравой Губертъ, которой такъ храбръ и столько имѣетъ рубцовъ на себѣ, не болѣе еще унтеръ-офицера. Оба Албертсь-талера онъ у меня

взялъ,

взялъ, однако сколько было отговорокъ и затрудненій! а съ табакомъ нималейшихъ. — За что это деньги господинъ молодой? — На что годятся. — О не надобны они мнѣ. На что мнѣ лишать васъ ихъ, мнѣ на надобности даетъ Король чрезъ каждые пять дней, а сверьхъ того въ каждой мѣсяцъ прибавляетъ множество и господинъ Маіоръ. и такъ съ меня того довольно. — Этому я вѣрю господинъ Губертъ! однако не льзя ли принять изъ единаго угожденія мнѣ. Я васъ очень люблю, вы такой бравой старой и честной мужъ, и я желалъ бы, чтобъ могъ вамъ доказать сколь много я васъ почитаю! — Изрядно! подавайтежъ сюда молодецъ дарогой: вы такъ добронравны, что мнѣ не хочется, чтобъ вы мною были недовольны. У меня въ шквадронѣ есть старой гусаръ, у которого жена и шестеро дѣтей остались на квартирахъ. Пускай онъ ихъ къ нимъ отошлетъ. — Очень хорошо! старикъ добродушной! но когда такъ, такъ возмижъ вотъ еще три въ прибавокъ. Но пожалуй же возьми безъ отговорокъ вѣдь они не вамъ. А у меня вотъ смотрите остается

нется еще много а дома у меня еще и того болѣе. —— Ну! воздай же вамъ Богъ! и сохрани здрава, видно что будете вы добрымъ господиномъ.

Подумай любезная Генріетта, не самыя ли благородныя и честныя мысли у сего браваго старика! у меня истинно сердце здѣлалось тогда какъ то мягко а около глазъ, что-то мокро. Я спѣшилъ уйти отъ него: а то бы дошло, чтобъ я заплакалъ.

Пойдутъ они отсюда, думать надобно скоро любезная Генріетта. Сіе говорятъ всѣ наши Офицеры и у нихъ все ужѐ укладено и увязано. Я истинно не знаю чему люди сіи радуются? Дѣло доходитъ до того, чтобъ рубиться и стрелятьcя и убивать другъ друга до смерти, а они идутъ какъ на свадебной пиръ. Но они говорятъ, это наше званіе и долгъ и мы любимъ своего Короля. Воевать подъ великимъ его предводительствомъ есть неиное, что какъ побѣждать. Пріобретеніе чести и славы есть наша цѣль, и къ сей цѣли мы всѣ стремимся. Кто не таковъ и икако думаетъ тотъ не принадлежитъ къ намъ. Тако говорятъ сіи лю-

люди! цѣлое войско Героевъ! предъ нимъ идетъ великой Фридерихъ: комужъ можно побѣдить ихъ?

Милаго нашего Фолькмара охотно бы хотѣлъ и я любезная Генріетта: удержать у себя и по крайней мѣрѣ до нашей свадьбы! но какъ это можно? Однако не тужи и будь спокойна, Всевышніи возметъ ужè его въ свое покровительство, и намъ его возвратитъ опять.

Севодни въ вечеру быть къ тебѣ я не могу. У нашего Маіора севодни гости, и обѣдъ: такъ сама знаешь, что у господъ при такихъ случаяхъ происходитъ: прости до завтрева.

24

Антонъ Греберъ къ Леопольду Фолькмаръ.

Милостивѣйшіи государь! буди благодареніе! буди тысячу разъ благодареніе вамъ за милостивое ваше напоминаніе обо мнѣ старомъ дряхломъ и увѣчномъ человѣкѣ. Всемогущій Боже: сколь доброе имѣете вы сердце! господинъ Визенау далъ мнѣ прочесть всѣ тѣ мѣста въ письмѣ вашемъ, которыя до меня касались.

лись. Сколь благодетельно печетесь вы о старомъ Греберѣ, и чтожь такое сдѣлалъ я? Неиное, какъ что былъ долженъ дѣлать. Но не сохранили ль вы сами мнѣ однажды жизнь? Кто отрубилъ Венгерцу руку полокоть, которою хотѣлъ онъ мнѣ съ зади срубить голову. Кто столь благодѣтельно обо мнѣ и содержанiи моемъ попеченiе имѣлъ, когда я въ Бриге на костыляхъ бродилъ, кто и по самое сiе время до самой глубокой моей старости, кормилъ и поилъ меня толь изобильно. Ахъ! я все сiе познялъ и чувствую, что дѣлалъ я, то была должность. А что дѣлаете вы, такъ то неиное что какъ благодѣянiе. Буди же вамъ заблагость и милости благодаренiе досамой вѣчности.

Но вотъ теперь сижу я здѣсь или паче съ одного мѣста на другое ползаю. Почто не могу я быть при васъ и вмѣстѣ съ вами въ непрiятелей врубаться и въ той чести и славѣ участiе брать, которую прiобрѣтутъ наши бравые гусары! но сiе ужѐ миновало. Увы миновало совсѣмъ! кожа на хижинѣ моей такъ сморщилась, рука стала

такъ

такъ слаба, что все готово ужѐ къ паденію, твори же великой Боже, что тебѣ угодно и кончай жизнь. Греберъ готовъ: и какъ скоро сказано будетъ съ коней долой, такъ я ужѐ и на землѣ.

И такъ съ саблею въ рукахъ не могу ужѐ я для васъ ничего сдѣлать: но покрайней мѣрѣ могу я объ васъ молить Господа. А сіе и дѣлаю я теперь и буду дѣлать до конца моей жизни. — Чтобъ могъ я увидѣть васъ еще, того не уповаю: конецъ мой приближается очевидно. Старыя изрубленныя и опять составленыя и спаянныя кости поспѣшаютъ скорыми шагами къ отшествію въ путь. Естьли умру то возьму съ собою сердце преисполненное благодарности ко Господу Богу, и естьли найду на небѣ товарищей, въ найденіи, которыхъ не сумнѣваюсь, то раскажу имъ все, что учинили вы надо мною престарѣлымъ. Всевышній да сохранитъ васъ здрава, укрѣпитъ вашу десницу и оружіе, ниспослетъ вамъ побѣду и возвратитъ васъ назадъ ужѐ Генераломъ аминь, аминь аминь.

25.

Генріетта Герстенъ-Фельдъ къ Карлу Вернеру.

О Боже! о великій Боже: что произошло здѣсь! Карлъ! какъ мнѣ тебѣ это разсказать. И можешь ли ты тому повѣрить? —— Но правда ли и точноли это такъ? Не сонное ли это привидѣніе? —— Господинъ Маіоръ отецъ мой! —— Я вѣдь дочь Фолькмара. —— Не съ умали ты сошла? — Нѣтъ Карлъ: въ цѣломъ умѣ и памяти. Дѣло почти невѣроятное, однако правда! ни единаго слова теперь болѣе. Я не собралась еще съ духомъ: я какъ пьяная и сумасшедшая еще, совсѣмъ пьяная отъ удивленія и радости: такъ что не могу тебѣ изобразить.

26.

Генріетта Герстенфельдъ къ Карлу Вернеру.

Теперь могу я опять мыслить порядочно. Ахъ Карлъ! Фолькмаръ мой отецъ, я его дочь! — Ужъ не слишкомъ ли много не слишкомъ ли много въ одинъ разъ щастія? Но не могу тебя задерживать. Послушай, какъ открылась сія тайна.

Вче-

Вчера послѣ обѣда сидѣлъ нашъ Маiоръ и отецъ Ульрихъ какъ друзья вмѣстѣ и покуривая свои трубки разговаривали то о томъ, то о другомъ. Матушка и я сидѣла также и слушала ихъ разговоры. Рѣчь дошла до перстня, которой подарилъ мнѣ Господинъ Маiоръ — У Генрiетты, сказалъ отецъ Ульрихъ, есть еще одинъ перстень. Намнясь расказывая вамъ какъ она къ намъ досталась позабылъ я о семъ упомянуть. — Сей перстень завернутъ былъ въ пеленкахъ, которыми она была оберчена. Не льзя было думать, чтобъ положенъ онъ туда былъ съ намѣренiемъ, потому что онъ бѣдное дитя очень гнѣлъ, а думать болѣе надобно, что въ то время когда мать обертывала дитя въ пеленки то спалъ онъ непримѣтно у ней съ руки, и какъ сей перстень не малой цѣны, а притомъ и пеленки были очень тонкiя и чистыя: то изъ того заключить было можно: что мать сего дитяти была конечно непростаго рода или покрайней мѣрѣ богата. Но пожалуйте вотъ тотчасъ я къ вамъ его принесу и покажу.

Онъ пошелъ, и возвратясь подалъ ему перстень. Господинъ Маiоръ взялъ его и подошелъ къ окну. Вдругъ увидѣли мы его поблѣднѣвшаго совсѣмъ, и что рука въ которой держалъ онъ перстень у него затряслася. Онъ взялъ булавку и отодвинулъ въ немъ нѣчто находящееся подъ ободочкомъ. О Боже! что дѣлается со мною! возопилъ онъ ужаснувшись, трубка выпала у него тогда изъ устъ и онъ пошелъ шатаяся къ кресламъ и ринулся на оныя всѣмъ тѣломъ. Мы перепугались всѣ и не знали что думать. О Боже! о великiй Боже! возопилъ онъ вторично, простирая руки къ небу и кидая смущенные взоры. Когдабъ это такъ! ахъ! когда бы такъ! это онъ! это онъ! и это она! мое сердце вѣщаетъ мнѣ сiе. Оно давно мнѣ сiе вѣщало! выговоривъ сiе вскочилъ онъ съ стула, схватилъ меня въ свои объятiя и сказалъ. Ахъ! Генрiетта! моя дочь! преклонилъ голову свою къ моимъ персямъ и упалъ въ обморокъ.

Ну представь себѣ теперь Карлъ! въ какомъ удивленiи мы при семъ случаѣ находились. Мы не могли ничего

мыслить и не могли ничего говорить. Отецъ Ульрихъ поблѣднѣвъ какъ мертвой бросился къ намъ. —— Фолькмаръ обхватилъ меня руками своими такъ крѣпко, что мнѣ ажно больно было. Глаза его были закрыты. Матушка одна имѣла болѣе всѣхъ присудствія духа. Она взяла стаканъ воды стоявшей на столѣ. Вылила на его лицѣ но вся вода попала мнѣ за пазуху. Я закричала и Фолькмаръ очнулся.

Что происходило далѣе при семъ первомъ шумѣ и замѣшательствѣ того не могу тебѣ пересказать. Смущенія внутреннія и наружныя. Имена отецъ! дочь! были одни, которыя могла я слышать и разумѣть. Нечаянное и великое устрашеніе, которое имѣла я съ начала, и чувствія душевныя поразившія вдругъ потомъ мое сердце, совсѣмъ меня привели въ изнѣможеніе. Глаза мои потемнѣли и я повалилась безъ памяти въ объятія Фолькмара, очнувшись увидѣла я себя лежащую на кравати, и всѣхъ трехъ во кругъ меня суетящихся.

О Боже! какъ изображалось все сердце Фолькмарово въ его устахъ, и

какъ билось и трепетало мое въ груди, къ нему пылая и стремяся. Я называла его моимъ родителемъ, и вся душа моя была единое восхищеніе.

Наконецъ утихла буря радости. Мы начали учиться опять мыслить и говорить вразумительно, и тогда дошло до объясненія.

Ахъ! Карлъ! какое объясненіе. Моя родительница моя бѣдная нещастная родительница, она а не иной кто сгорѣла въ Б***** почто не могла радость моя пребыть безсмѣшенія съ печалью. — Люиза Стейнфельдъ было ея имя. Родитель мой жилъ только короткое время съ нею въ супружествѣ: и она не была публичною его супругою: однако были они полковымъ священникомъ формально обвѣнчаны. Словесно раскажу я тебѣ обо всемъ подробнѣе.

Любезной мой родитель! — ахъ Карлъ! какое сладкое имя! а также и твой отецъ — показалъ намъ перстень. Подъ ободочкомъ онаго находилась и непримѣтно сдѣланная отдвижка и на оной изображены литеры Л. Ф. — буди препрославлена, буди вѣчно пре-

препрославлена благость Провидѣнія устроившаго такъ, чтобъ перстень сей долженствовалъ свалиться съ руки матери моей, дабы послѣ могъ онъ возвращенъ мнѣ быть отцомъ моимъ. Какая радость для покойницы, естьли узнаетъ она о томъ на небѣ.

Какой же нѣжной у меня родитель! почти ни на минуту не выхожу я изъ его объятій. А воспитатели мои не выходятъ еще совсѣмъ изъ своихъ восторговъ и восхищенія: мы позабываемъ о пищѣ и питьѣ и питаемся Ангельскою радостію. Не хочешь ли и ты взять въ томъ соучастіе? Мой милой и любезной Карлъ! приходи, спѣши, лети къ намъ: и повергай себя въ объятія твоего отца!

Моя Люиза Вальманъ! что скажетъ теперь сія небесная женщина! коль много обрадуется она. Ахъ Карлъ. Когда она и ты: когда вы оба здѣсь будете: тогда буду находиться я въ раю небесномъ посреди блаженныхъ: ахъ родительница почто одной тебя нѣтъ у меня, съ тобою имѣла бы я все.

27.

Карлъ Вернеръ къ Генріеттѣ Фолькмаръ.

Меня равно какъ нѣчто въ голову ударило: и оглушило. Между радостію и печаліюю находясь не знаю кому собственно изъ нихъ я принадлежу. Любезная Генріетта! —— могу ли и смѣю ли я еще симъ именемъ назвать? —— Ахъ сіе-то поражаетъ сердце мое какъ стрѣлою. Щастлива! и очень очень щастлива ты? Я не завидую тебѣ въ томъ но радуюсь сердечно, отъ всего сердца моего радуюсь я твоему благополучію. Но я то бѣдный ужè не буду съ сего времени таковымъ. Ты теперь благородная дѣвица, дочь не только Маіора но богатаго и знатнаго дворянина: ахъ! коль горестна для меня сія перемѣна: для меня, сына только Арендаторскаго. Что будетъ со мною когда лишусь я Генріетты, безъ которой не хотѣлъ бы и не могу никакъ жить. —— Хорошо, что по крайней мѣрѣ теперь война! такъ могу я съ честію лишиться жизни. Есть-ли совершится то чего опасаюсь: такъ не долго думая гусаромъ и у когобъ въ командѣ ни быть но гусаромъ, и при

пер-

первой стычкѣ, прямо въ жесточайшей огонь: и Вернера какъ не бывало!

Ахъ милая и любезная Генріетта: сколь нещастливъ буду я естьли потеряю тебя, естьли отецъ твой тебя у меня отнимет. Вѣрно услышишь ты скоро и о моей смерти, ибо я буду искать ея тщательно. Увѣдомь меня о намѣреніяхъ твоего родителя: прежде того не смѣю я къ вамъ притти, но не оставляй же меня долго мучиться между животомъ и смертію.

28.

Генріетта Фолькмаръ къ Карлу Вернеру.

Бѣдной, печальной, любезной Карлъ! престань себѣ горѣвать и сокрушаться. Перемѣнѣ моихъ обстоятельствъ, чтобъ перемѣнить мое сердце? Нѣтъ, Карлъ! сему не можно статься, въ таковомъ случаѣ сталобъ что я тебя не любила. А я тебя люблю и буду любить вѣчно, и столь нѣжно столь сильно, сколько душа моя любить только можетъ. Ты вѣчно мой. Родитель мой имѣетъ честной и благородной духъ. Онъ называетъ тебя своимъ сыномъ.

А чтобъ не осталось тебѣ никакого сумнѣнія, то влагаю при семъ его письмо къ тебѣ. Какъ скоро прочтешь оное: то брося и оставя все, лѣти въ его объятія.

29.

Леопольдъ Фолькмаръ къ Карлу Вернеру.

Генріеттинъ щасливой отецъ, письмо ваше читалъ любезной Вернеръ! въ ономъ даете вы наисильнѣйшія доказательства любви вашей къ сей любвидостойной дѣвицѣ, моей любезной дочери. Она любитъ васъ наинѣжнѣйшимъ образомъ. Я одобрялъ любовь вашу, и тогда еще когда не зналъ сколь много я щастливъ. Но для того ли я щастливымъ сдѣлался, чтобъ двухъ любящихся тварей сдѣлать нещастными? Вы имѣете мое слово, и я съ удовольствіемъ называю васъ моимъ сыномъ. Пріѣжжайтежъ, чтобъ могъ я васъ и обнять, такъ какъ своего сына.

30.

Леопольдъ Фолькмаръ къ Вильгельму Визенау.

Ахъ! дражайшей Вильгельмъ! какъ щастливъ теперь твой Фолькмаръ! гораздо,

раздо, гораздо щастливѣе, нежели можно ему когда нибудь было и съ дерзновеннѣйшимъ ожиданіемъ ласкаться. Губертъ писалъ ужѐ къ тебѣ, ибо самому мнѣ не можно было никакъ писать а хотѣлось, чтобъ ты скорѣе о благополучіи моемъ свѣдалъ: Губертъ писалъ ужѐ къ тебѣ, что я чрезъ Генріетту наищастливѣйшимъ отцемъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ сдѣлался. Я читалъ его письмо, оно было хорошо и все описано въ немъ обстоятельно, я подтверждаю все, что въ немъ находится.

Но одно ли сіе щастіе! —— сколь удивишся ты содержанію теперешняго письма! опять одно открытіе, которое покажется тебѣ можетъ быть совсѣмъ невѣроятнымъ. Знай! любезной Вильгельмъ и дивись. Люиза, моя оплаканная и мертвою почитаемая супруга жива, и жива теперь въ моихъ объятіяхъ.

Великій Боже! достоинъ ли я такихъ небесныхъ благодѣяній; коль много превосходятъ они мои заслуги, и коль превыше оныхъ ты ко мнѣ мило-

сердЂ. —— Но кЂ дѣлу! кЂ пріятнѣйшему дѣлу!

ВЂ послѣднемЂ моемЂ письмѣ упоминалЂ я тебѣ мимоходомЂ, что любезная моя Генріетта возвѣщала мнѣ о скоромЂ пріѣздѣ кЂ ней, одной ея пріятельницы по имени ВальманЂ. Сія Вальманша, дорогой ВильгельмЂ есть моя обожаемая супруга.

Вчера около полуденЂ пріѣхала она вЂ здѣшнее мѣсто. У насЂ было вЂ сей день ученіе, сЂ котораго возвратился я сЂ гусарами своими вЂ двенатцать часовЂ. Я сбросилЂ сЂ себя шубку и саблю и пошелЂ кЂ хозяевамЂ. Но неуспѣлЂ я войтить вЂ комнату и переступить чрезЂ порогЂ, какЂ услышалЂ сильной и проницательной вопль и пріѣхавшая гостья упала какЂ стояла вЂ обморокЂ. ВЂ какое удивленіе пришли мы тогда всѣ. Я первой подскочилЂ кЂ ней поднялЂ ея сЂ полу и посадилЂ вЂ кресла.

ВильгельмЂ! вЂ состояніи ли я расказать тебѣ что происходило во мнѣ, когда я ея вЂ лицо увидѣлЂ? На силу могЂ я устоять на ногахЂ, какЂ окаменѣлой истуканЂ стоялЂ я предЂ нею

безЂ

безъ движенія, и далъ другимъ волю объ ней суетиться и ей помогать. Обморокъ ея продолжался долго, и прежде нежели она пришла въ себя, оставило меня мое изумленіе. Я оттолкалъ какъ бѣшеной всѣхъ отъ ней и охватилъ ея въ свои объятія. Люиза! дражайшая Люиза! ахъ! это ты! это ты сошла къ намъ съ неба изъ жилища праведныхъ, чтобъ видѣть щастіе своего супруга и своей дочери. Ахъ не покинь меня паки! не возвращайся туда опять, покуда не послѣдую за тобою! —

Сильныя движенія дѣланныя мною ей и громкость моихъ восклицаній, привели ея въ себя. Что она говорила, того я не знаю, мы лежали охвативъ руками другъ друга и находились въ восхищеніи, окружающія насъ стояли и не знали, что дѣлать отъ удивленія.

Что могу сказать тебѣ о семъ дѣлѣ? чувствованія, и чувствованія сего рода не таковы, чтобъ ихъ перомъ описать было можно. Вообрази себѣ самъ прочее, а потомъ представь насъ себѣ уже таковыми, когда могли мы съ нѣкоторымъ спокойствіемъ духа говорить между собою.

Ни-

Никакъ не можно мнѣ изобразить тебѣ сцѣны между матерью и дочерью, въ то время когда они уже обѣ узнали, кто и что они такое. Все что могу тебѣ сказать: состоитъ въ томъ, что они плавали въ морѣ восхищенія и восторговъ.

* * *

Наконецъ севдни только получила дражайшая моя Люиза столько силы, что могла разсказать мнѣ, какой благотворительной судьбѣ обязанъ я за сохраненіе ея въ жизни, и что именно приключилось съ нею. Вотъ, что и какъ все произходило.

Люиза имѣла въ городкѣ * * * одну ближнюю родственницу, которая была вкупѣ и вѣрная пріятельница ей. Какъ приходило время ей родить, то съ соизволенія отца своего выѣхала она изъ своего дома и отправилась къ сей пріятельницѣ, дабы дождаться тутъ до родовъ, для которыхъ въ домѣ отца своего не могла она имѣть столько покоя и способности. Находясь тутъ, получила она въ одинъ день два ужасныхъ извѣстія, изъ которыхъ каждое въ состояніи было поразить ея смертельно.

Пер-

Первое было о нещастной кончинѣ ея любезнаго родителя, а второе о кончинѣ ея супруга, котораго любила она болѣе всего въ свѣтѣ.

Сіи страшныя извѣстія сразили ея съ ногъ: а не многіе дни спустя послѣ того разрѣшилась она и отъ своего бремени дочерью. Обстоятельства въ которыхъ она тогда находилась были весьма худы. Изъ всего достатка ихъ неспасено ничего, кромѣ того не многова, что она съ собою взяла. Все прочее досталось въ жертву огню и пламени. Пріятельница, у которой она находилась, имѣла весьма доброе сердце: но была также очень недостаточна. Печальное положеніе! внутри сокрушенное сердце! а внѣ нужда и недостатокъ.

Совсѣмъ тѣмъ нещастіе ея было не такъ еще велико, чтобъ не могло уже сдѣлаться болѣе, чрезъ нѣсколько дней послѣ ея родовъ напала на городокъ сей непріятельская гусарская партія ночью, разграбила оной и зажгла.

Люиза не нашла ничего драгоцѣннѣйшаго къ спасенію отъ пожара кромѣ своей дочери. Она выхватила ея

изъ

изъ колыбели, и хотѣла выбѣжать изъ дома охваченнаго уже совсѣмъ пламенемъ, какъ попался на встрѣчу ей непріятельской гусаръ. —— Страшной Губертъ! это ты былъ! —— онъ хотѣлъ отнять у ней дитя, ибо думалъ, что было то нѣчто изъ пожитковъ спасаемыхъ ею отъ огня. Она противилась и не хотѣла никакъ отдать ему онаго: но толчокъ ефесомъ сабли данной ею въ грудь, повергъ нещастную ея безъ чувствъ на землю. Онъ взялъ дитя и пошелъ, и послѣ кинулъ его, такъ какъ самъ расказывалъ. Одна маркитанша нашла оное, и какъ имѣла она материнское сердце, то взяла оное съ собою до огорода Пасторскаго: и симъ образомъ спасена была моя любезная Генріетта.

По щастію пришла Люиза въ себя еще благовременно. Она бросилась сквозь пламя и не успѣла выскочить на улицу какъ домъ обрушился. Куда было тогда деваться нещастливой? гдѣ искать себѣ убѣжища? весь городокъ стоялъ въ огнѣ и пламени. Она идучи сама не зная куда выбѣжала безъ души въ полѣ. Тутъ конечно бы упала она въ обморокъ,

рокЪ, ибо силы ея были и безЪ того ужè вЪ истощенiи, естьлибЪ не произошло одного щастливаго обстоятельства. ВЪ самую ту минуту, какЪ выходила она изЪ сего мѣстечка, скакала вЪ него во всю конскую прыть Пруская партiя гусарЪ, она бросилась на ЦесарцовЪ и порубила ее по обЪявленiю Губерта. Люиза услышавЪ стрѣльбу, и отЪ того еще болѣе испужавшись, удвоила свои шаги, она вбѣжала вЪ глубокую ущелину и нашла вЪ ней стоящую карету. Зарево отЪ горящаго городка освѣщало сiе мѣсто. Люиза услышала себя зовущую. Она пошла кЪ каретѣ, и нашла вЪ ней одну только молодую госпожу сидящую. — Поди ко мнѣ любезное дитя! и сядь со мною! ЦесарцовЪ прогонятЪ скоро, и тогда возьму я тебя сЪ собою. — Она приняла охотно сiе предложенiе. Госпожа говорила сЪ нею мало, а оглядывалась все на пожарЪ и примѣтно содрогалась. По прошествiи четверти часа стрѣльба утихла, и тотчасЪ послѣ того наскакала толпа гусарЪ на карету. Нѣкто громкимЪ голосомЪ закричалЪ. Ступай! и вЪ тотЪ моментЪ поскакала я-

рета во всю конскую прыть. Въ не многіе часы пріѣхали они въ Б* * *. Люиза должна была тутъ изъ кареты вытти, въ ней перемѣнили лошадей и госпожа поѣхала далѣе. Но кто она такова была, о томъ не могла она никакъ провѣдать.

* * *

Нѣкоторыя дѣла по должности отрывали меня на нѣсколько часовъ. Теперь пойду я далѣе. Люиза доставлена была посланнымъ отъ самаго Бога симъ Ангеломъ, весьма кстатѣ въ сіе мѣсто. Она имѣла въ Б*** одну близкую родственницу а именно сестру покойной своей матери, она пошла къ ней и принята была оною. Тутъ вскорѣ послѣ прибытія слегла она въ жестокую болѣзнь, которая была тѣмъ опаснѣе, что тѣло и душа вкупѣ страдали. Она почитала дочь свою не инако, какъ сгоревшею либо лошадьми стоптанною: и можно ли было ей инако думать. Она старалась объ ней распровѣдать но никто не могъ подать ей ни малѣйшаго извѣстія, и такъ скорбь и печаль претерпеваемая ею о потеряніи оной, и равно какъ и о моей смерти, была

была неопасная: и таковому бремяни горести долженствовало натурально ея низвергнуть.

Болѣзнь ея продлилась шесть недѣль, а столькожъ времени потребно было къ тому, чтобъ могла она опять пособраться нѣсколько съ силами. Всѣ приходящія съ того времени извѣстія подтверждали слухъ о моей смерти, ибо во всей арміи почитали меня умершимъ, а изъ нашего полку не случилось тутъ быть ни одному Офицеру, которой бы оному извѣстію могъ воспротиворѣчить. Ротмистръ Гнаденстернъ почиталъ Люизу сгоревшею, и потому и не старался болѣе распровѣдывать, да хотя бы онъ и сталъ, такъ сіе не помоглобъ нимало: потому что Люиза желая быть незнакомою, съ самаго начала перемѣнила свое имя и назвалась Валманшею.

Врачующее время утолило наконецъ мало по малу нѣсколько печаль ея: однако осталась въ ней нѣкоторая склонность къ унынію. Она осталась жить

у своей тетки, и въ товариществѣ ея дочери отправляла хозяйскую должность. За шесть лѣтъ предъ симъ сія тетка ея умерла. Она оставила дочери своей имѣнія столь мало, что ей не можнобъ было по прежнему жить съ Люизою вмѣстѣ, естьлибъ сія послѣдняя не приступила къ одному средству, которое въ состояніи было ихъ обѣихъ прокормить съ избыткомъ. Они учредили у себя женскую школу и пансіонъ: и питались тѣмъ довольно изрядно.

Въ сей-то пансіонѣ отдана была и моя Генріетта, и жила въ немъ три года. Люиза учила и воспитывала собственную дочь свою нимало о томъ не зная. Совсѣмъ тѣмъ любила она ея столь же нѣжно и горячо, какъ бы дѣйствительно была о томъ свѣдома, а и Генріетта прилеплена была къ ней всею душею. Обѣ они ощущали въ себѣ нѣкое неизвѣстное имъ другъ къ другу притяженіе связывающее сердца ихъ вмѣстѣ. Они называли его дружествомъ: ибо не умѣли дать ему инаго имени. Теперь спознались они короче, и стали неразрывны. Ну!

Ну! теперь знаешь ты все, любезной Вильгельмъ! скажижь чего недостаетъ теперь къ благополучію твоего друга? на первой случай удержу я жену свою и дочь здѣсь въ Шлезіи, дабы были они ко мнѣ ближе: а естьли востребуютъ обстоятельствы, то отправлю ихъ къ тебѣ вмѣстѣ съ молодымъ Вернеромъ въ мои деревни. —— Расходы мои сдѣлались теперь больше, а потому можешь ты брать надлежащія мѣры, въ разсужденіи перевода ко мнѣ чрезъ вексели денегъ, однако теперь еще ихъ у меня довольно, а сверьхъ того въ Б. . . . имѣю я кредитъ.

Губертъ теперь такъ радъ и веселъ какъ робенокъ. Но чтоже онъ и претерпѣлъ, и что было съ симъ старымъ усачомъ, когда онъ узналъ, съ кѣмъ поступилъ онъ тогда такъ безчеловѣчно. Посмотрѣлъ бы ты, какъ лежалъ онъ у ногъ моей Люизы, какъ лобызалъ и омочалъ ихъ слезами. Ни съ какою Королевою не поступилъ бы онъ симъ образомъ, гордость не допустила бы его до того. И съ какимъ

опять сокрушеннымъ сердцемъ просилъ онъ у Генрïетты прощенія!

Объяви всѣмъ моимъ друзьямъ, все что ты знаешь, и расказывай вездѣ, что имѣю я у себя жену и дочь. Прежде жъ всѣхъ скажи о семъ старому Греберу, пускай понесетъ онъ радость сiю съ собою на тотъ свѣтъ, гдѣ будутъ радости чистѣйшія и долговременнѣйшія, нежели каковы бываютъ здѣсь самыя лучшія и совершеннѣйшія. Прости! любезной Вильгельмъ! и будь столько благополученъ, сколько желаетъ тебѣ твой щастливой другъ.

* * *

P. S. Въ самое сiе время, какъ хотѣлъ запечатывать сiе письмо, получилъ я ордеръ о выступленiи въ походъ. Завтре поутру въ семь часовъ выступимъ мы отсюда. Грусно Вильгельмъ оставлять столь скоропостижно опять то, чѣмъ едва лишь началъ наслаждаться. Однако Король того хочетъ, и я повинуюсь. Коль трудно будетъ мнѣ разставаться съ тѣми особами,

бами, которыхъ люблю болѣе нежели самаго себя. Я желалъ бы, что распрощанье ужѐ миновалось.

31.

Генріетта Фолькмаръ къ Карлу Вернеру.

Его ужѐ нѣтъ. Карлъ! драгоцѣннаго и лучшайшаго изъ смертныхъ! его нѣтъ ужѐ моего любезнаго родителя. Вчера въ вечеру въ осьмомъ часу получено повелѣніе въ походъ, а севодни въ осьмомъ часу поутру онъ ужѐ и выступилъ въ оной. Теперь сидимъ мы и плачемъ и вздыхаемъ, моя опечаленная родительница, горюющей отецъ Ульрихъ, старая и милая его старушка, я и всѣ. —— О какъ я его просила, его моего любезнаго отца, чтобъ онъ у насъ остался! но все было тщетно. Повелѣніе Королевское свято! только было и словъ. —— Война теперь только стала мнѣ прямо ненавистна и страшна. Карлъ! до сего не было у

меня многова для потерянія на оной, а нынѣ . . . . все.

Ахъ, Карлъ! я стану вѣчно помышлять о томъ! я видѣла отца моего весьма великимъ! какъ прощался онъ съ матушкою и со мною, то слезы текли изъ очей его. Отецъ Ульрихъ говоритъ, что слезы пролитыя въ пристойное время суть слезы благородныя, а слезы въ очахъ Героя суть неизреченно трогательны. Также говоритъ онъ, что можно и воину не постыдно плакать, и что слышалъ онъ якобы и великой Фридрихъ нѣкогда о храбрыхъ своихъ сынахъ проливалъ слезы. И въ сихъ заключеніяхъ онъ не погрѣшаетъ. Я отъ роду моего не видывала никого толь благородно и чувствительно плачущаго, какъ плакалъ мой родитель. И отца Ульриха и его старушку поцѣловалъ онъ плачучи.

Какъ подошелъ онъ къ дверямъ, то вынувши платокъ обтеръ онъ слезы и болѣе ужѐ не плакалъ: остатокъ горести виденъ былъ хотя въ его лицѣ,

цѣ, но оной придавалъ ему еще болѣе мужественной и благородной осанки: и умножилъ красоту и безъ того благоустроеннаго его вида.

Весь эскадронъ маршировалъ тогда къ нашему дому и построился въ порядокъ. Никогда не казался онъ столь ужаснымъ, какъ въ сіе время. На всѣхъ лицахъ воиновъ видно было нѣчто страшное, а изъ очей ихъ какъ молнія сверкала. Лошади ржали изо всей мочи, глаза ихъ блистали, а ногами они скребли землю, какъ бы отъ нетерпѣливости на медленность. Родитель мой не успѣлъ показаться, какъ всѣ остановились и сдѣлались какъ окаменѣлые безъ всякаго движенія. Самыя лошади его, равно какъ знали, ибо ни единая изъ нихъ не трогалась. Онъ сѣлъ на своего коня. И казалось что скотина сія разумѣла, кого она на себѣ имѣла: ибо было то изъ всѣхъ ея движеній примѣтно. Онъ началъ командовать. Въ единой мигъ и однимъ разомъ всѣ сабли, выхвачены изъ ноженъ и были наружи: страшное зрѣлище! они блистали

ли

ли ужасно. И видъ сей привелъ меня въ содроганіе. Вскорѣ будетъ съ нихъ капать кровь человѣческая думала я тогда, и мысль сія едва не повергла меня въ обморокъ. Наконецъ сказано было *ступай*! еще теперь звенитъ въ ушахъ моихъ сіе ужасное слово. Оно проникло на сквозь мою душу. — Трубачь началъ тогда играть. И болѣе ужасной нежели пріятной маршъ раздавался въ воздухѣ. —— Въ мигъ тогда всѣ поѣхали. —— Родитель мой оглянулся еще разъ на насъ съ такимъ видомъ, которой я тебѣ никакъ не могу описать и салютовалъ насъ своею саблею и въ не многія минуты не было ужѐ ихъ въ деревнѣ.

Великій и Всемогущій Боже, управляй теперь его путемъ, и пріими его въ свое всесильное покровительство. Ахъ Карлъ! я грущу и печалюсь неописанно. Теперь не можешь ты ничѣмъ отговариваться: пошли въ походъ и твои Офицеры, а обязательствы наши съ тобою извѣстны ужѐ и твоему родителю: и такъ естьли ты не будешь приходить ко мнѣ въ каждой день и помо-

помогать мнѣ переносить печаль мою. то сочту, что ты меня не любишь и умру отъ горести и печали.

При раставанье съ старымъ и честнымъ Губертомъ, принуждена я была также плакать. Ахъ сударыня сказалъ онъ мнѣ съ совершеннымъ ли прощеніемъ мнѣ моей вины отпускаете вы меня отсюда. Я иду на войну и можетъ быть не возвращусь опять ужѐ назадъ. Смерти я не боюся, однако не хотѣлось бы мнѣ явиться къ моему Судьѣ не получивъ отъ васъ прощенія. Правда, я предъ вами очень виноватъ но чѣмъ болѣе преступленіе тѣмъ болѣе будетъ и великодушіе ваше, естьли мнѣ отпустите. Что я раскаиваюсь въ томъ: это вы знаете и о томъ готовъ я побожиться.

У меня покатились слезы тогда изъ глазъ и я не могла ничего промолвить: а охватила одною рукою его руку а другою нѣжно потрепала его по щекѣ. Онъ пожалъ мою руку отъ усердія искренняго, поцѣловалъ ея, и испу-

стилъ капли двѣ прямо горячихъ слезъ на оную.

Я не знаю, Карлъ! что заключать о свойствахъ сихъ людей. Они имѣютъ столь добрыя, мягкія и ощущательныя сердца и изъявляютъ столь много чувствительности, что могутъ самыя слезы проливать, а со всѣмъ тѣмъ какъ скоро до непріятеля дойдутъ то рубятъ и сѣкутъ всякое животное, и отнимаютъ жизнь у людей себѣ подобныхъ безъ малѣйшаго сожаленія. Надобно конечно сердцу въ нихъ со всѣмъ въ иныхъ расположеніяхъ и обстоятельствахъ находиться, нежели въ каковыхъ у насъ оное.

Отецъ Ульрихъ укрѣпилъ благословеніемъ своимъ весь эскадронъ: и естьли оно возъимѣлобъ свое дѣйствіе: то всегда онъ будетъ побѣдоносенъ и никто не лишится въ немъ жизни, а всѣхъ меньше мой родитель. О какъ пронзаетъ душу мою единое помышленія о семъ, и какъ трепещу прѣединомъ воображеніи того, что весьма легко

ко статься можетъ, что онъ потеряетъ жизнь на сей войнѣ ненавистной! и ну! естьли сдѣлается сіе. Карлъ!.... я... жива не буду.

Батюшка обѣщалъ писать къ намъ часто и потому заниматься я стану наиглавнѣйше перепиской уже съ онымъ, бывшая же у насъ съ тобою теперь пресечется потому что ты ведь къ намъ всякой день приходить станешь, и я могу тебя ежедневно видѣть и съ тобою говорить. Прости! покуда увидимся.

Конецъ перпой части.

